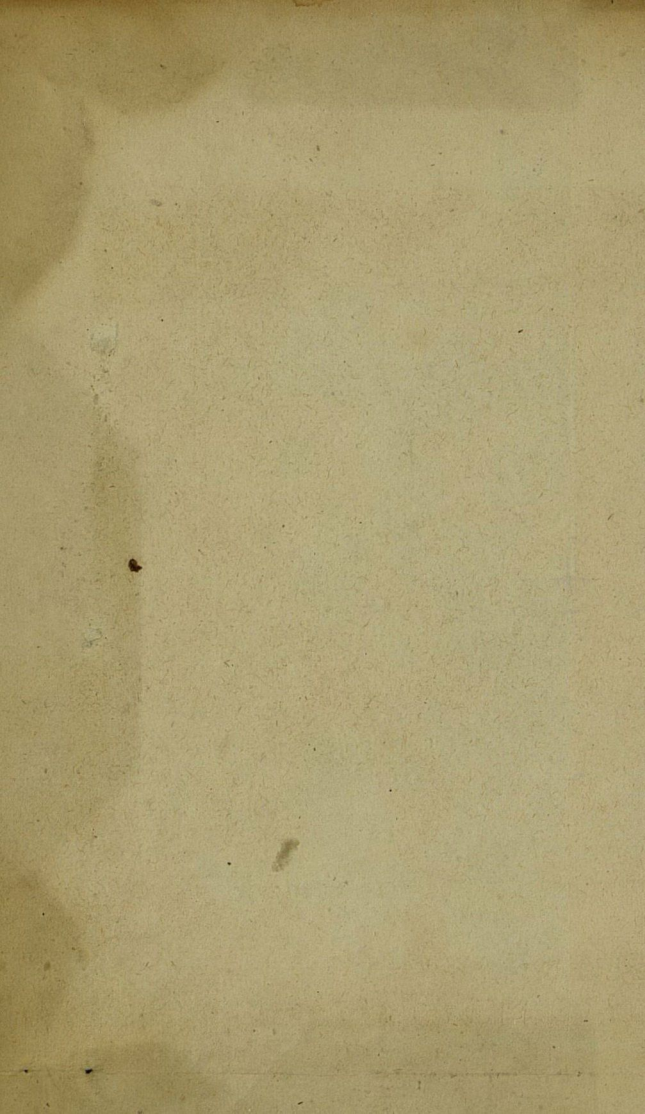

XXII $\frac{75}{11}$

ဝဏ္ဏံ ၁
၄၃-၄ ၇၀၀၂ ၁၈၄၅

Ha ^{3 m} 016

~~14/XII-XIII Anty lice 14~~

13405

~~1818~~

1818

№ 57
131
БІБЛІОТЕКА

ср8

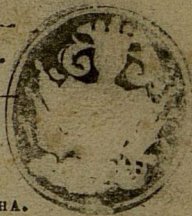
XXIV
17
ДЛЯ:

ВОИШТАНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЧАСТЬ III. — 4

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Изданіе А. СЕМЕНА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ: Москва, Апрѣля 16 го дни 1843 года.

Ценсоръ С. Баршевъ.

47543-45

Е. А. БАРАТЫНСКІЙ.

Баратынскій родился въ 1800 году (*) т. е. въ одинъ годъ съ Пушкинымъ; оба были ровесники вѣку. — Отъ природы получилъ онъ необыкновенныя способности: сердце глубоко-чувствительное, душу, исполненную незасыпающей любви къ прекрасному, умъ свѣтлый, обширный и вмѣстѣ тонкій, такъ сказать, до микроскопической проницательности,—и особенно внимательный къ предметамъ возвышеннымъ и поэтическимъ, къ вопросамъ глубокомысленнымъ, къ движеніямъ внутренней жизни, къ тѣмъ мыслямъ, которыя согрѣваютъ сердце, проясняя разумъ, — къ тѣмъ музыкальнымъ мыслямъ, въ которыхъ голосъ сердца и голосъ разума сливается созвучно въ одно

(*) Въ селѣ Мара, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда; 29-го Іюни.

задумчивое размышленіе. — Въ первомъ дѣтствѣ получилъ онъ самое тщательное воспитаніе ; оно много помогло въослѣдствіи развитію его необыкновенно-утонченнаго вкуса. — Но молодость его была несчастлива. Въ далекой Финляндіи, посреди дикой и мрачной природы, въ разлукѣ съ родными и близкими ему людьми, съ неодолимою тоскою по родинѣ, вдали отъ тѣхъ, кто могъ бы понять его и утѣшить сочувствіемъ, печально и одиноко провелъ онъ лучшіе годы своей юности. Это обстоятельство вѣроятно содѣйствовало къ тому, что его самыя свѣтлыя мысли, и даже въ самое счастливое время его жизни, остались навсегда проникнуты тихою, но неотразимою грустію. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и отъ природы уже былъ склоненъ къ этому направленію мысли, которое очень часто замѣчается въ людяхъ, соединяющихъ глубокой умъ съ глубокою чувствительностію. Оно происходитъ вѣроятно оттого, что такіе люди смотрятъ на жизнь не шутя, разумѣютъ ея высокую тайну, понимаютъ важность своего назна-

ченія, и вмѣстѣ неотступно чувствуютъ бѣдность земнаго бытія. Оттого они даже въ кругу забавъ и шумныхъ удовольствій часто кажутся печальными; оттого самое чувство радости для нихъ бываетъ соединено съ непреодолимою задумчивостію и скорѣе похоже на грусть, чѣмъ на веселость обыкновенныхъ людей.

Но между тѣмъ изъ Финляндіи Баратынскій могъ иногда пріѣзжать въ Петербургъ, гдѣ въ то время только явился первый выпускъ учениковъ Царскосельскаго лицея, — юношей, почти дѣтей, связанныхъ узами благородной дружбы, основанной на одинаковомъ воспитаніи, на общей, имъ внутренней любви къ великому, къ прекрасному, къ просвѣщенію, къ наукамъ, къ искусству, — дружбы, особенно-крѣпкой внутреннимъ согласіемъ ихъ нравственныхъ понятій. Въ числѣ ихъ, былъ молодой Пушкинъ, Дельвигъ и весьма многіе юноши, богатые талантами, или замѣчательные умомъ, или сильными характеромъ, различные способностями, но всѣ проникнутые нетерпѣливою жаждою дѣятельности, живымъ стремленіемъ

къ значительнымъ цѣлямъ жизни. Впослѣдствіи не всѣ развились одинаково; различныя обстоятельства развели ихъ въ различныя стороны; нѣкоторые могли остановиться въ своемъ развитіи; иныя, можетъ быть, могли уклониться отъ перваго направленія, впасть на нѣкоторое время въ крайность или заблужденіе; другіе счастливо совершили поприще свое: но въ то время ихъ общее дружеское сочувствіе пробудило въ каждомъ изъ нихъ всѣ лучшія способности души, такъ что изъ ихъ значительнаго круга, или отъ живаго соприкосновенія съ ними, вышли почти всѣ замѣчательные люди того времени. Съ ними сошелся и Баратынскій, и, въ ихъ живительномъ обществѣ, загорѣлась въ душѣ его первая искра его поэтического таланта, уже приготовленнаго его прежнею жизнію. Такъ въ хорошемъ, равно какъ и въ дурномъ, сочувствіе окружающихъ насъ людей вызываетъ изъ сердца тѣ стремленія, которыя безъ того, можетъ быть, никогда не родились бы на свѣтъ. Общее мнѣніе скоро соединило имя Баратынскаго съ именами

Пушкина и Дельвига, въ то же время, какъ внутреннее сродство сердечныхъ пристрастій связало ихъ самою искреннею дружбою, цѣлосохранившеюся до конца жизни всѣхъ трехъ.

Баратынскій скончался въ прошедшемъ году, въ Италіи, которую онъ особенно любилъ въ своихъ далекихъ мечтаніяхъ, — въ кругу своего семейства, гдѣ онъ нашелъ то душевное счастіе, которое было главнѣйшею потребностію его любящаго сердца. «Сладко проходить здѣсь жизнь наша» — писалъ онъ въ послѣднемъ письмѣ изъ Неаполя къ своему брату.

Стихи Баратынскаго отличаются тѣми же качествами, какія составляли особенность его поэтической личности: утонченность наружной отдѣлки всегда скрываетъ въ нихъ сердечную мысль, глубоко и заботливо обдуманную. Но между тѣмъ сколько ни замѣчательно ихъ поэтическое достоинство, однако они еще не вполне высказываютъ тотъ міръ изящнаго, который онъ носилъ въ глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно-чувствительный къ сочувствію лю-

дей ему близкихъ, Баратынскій охотно и глубоко высказывался въ тихихъ дружескихъ бесѣдахъ, и тѣмъ заглушалъ въ себѣ иногда потребность выражаться для публики. Изливъ свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстною шуткою, дальновидностью тонкихъ замѣчаній, поразительной оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни, — Баратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможныхъ далекихъ читателяхъ. Оттого для тѣхъ, кто имѣлъ счастіе его знать, прекрасные звуки его стиховъ являются еще многозначительнѣе, какъ отголоски его внутренней жизни. Но для другихъ, чтобы понять всю красоту его созданій, надобно прежде вдуматься въ совокупный смыслъ его отдѣльныхъ стихотвореній, вслушаться въ общую гармонію его задумчивой поэзіи.

I.

Прощай, отчизна непогоды ,
Печальная страна,
Гдѣ дочь любимая природы ,
Безжизненна весна ;
Гдѣ солнце нехотя сіяетъ ,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ
И моря ревъ, и все питаетъ
Безумье мрачныхъ думъ ;
Гдѣ, отлученный отъ отчизны
Враждебною судьбой ,
Изнемогалъ безъ укоризны
Изгнанникъ молодой ;
Гдѣ позабыть молвой гремучей
Но все душой пѣтъ,
Своею Музою летучей
Онъ не былъ позабытъ !

Теперь для сладкаго свиданья
 Спѣшу къ странѣ родной;
 Въ воображеньи край изгнанья
 Послѣдуетъ за мной;
 И камней мшистыя громады,
 И видъ полей нагихъ,
 И вѣковые водопады,
 И шумъ угрюмый ихъ!
 Я вспомню съ тайнымъ сладострастьемъ
 Пустынную страну,
 Гдѣ я, въ размолвкѣ съ тихимъ счастьемъ,
 Провелъ мою весну;
 Но гдѣ порою житель неба,
 На переборъ судьбы,
 Не измѣнилъ питомецъ Феба
 Ни Музамъ ни себѣ.

II.

Чудный градъ порой сольется
Изъ летучихъ облаковъ ;
Но лишь вѣтръ его коснется ,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ :
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты.

III.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
 Не умолкай, потокъ съдой!
 Соединяй протяжный вой
 Съ протяжнымъ отзвонъ долины.

Я слышу, свищетъ Аквилонъ,
 Качаетъ елію скрипучей,
 И съ непогодою ревучей
 Твой ревъ мятежный соглашёнъ.

Зачѣмъ съ безумнымъ ожиданьемъ,
 Къ тебѣ прислушиваюсь я?
 Зачѣмъ трепещетъ грудь моя
 Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ?

Какъ очарованный стою
 Надъ дымной бездною твоею.
 И мнится, сердцемъ разумью
 Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми съ крутой вершины
 Не умолкай потокъ съдой !
 Соединяй протяжный вой
 Съ протяжнымъ отзвонъ долины.

IV.

Судьбой наложенныя цѣпи
 Упали съ рукъ моихъ, и вновь
 Я вижу васъ, родныя степи,
 Моя начальная любовь.

Степнаго неба сводъ желанной,
 Степнаго воздуха струи,
 На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
 Остановилъ глаза мои.

Но мнѣ увидѣть было слаще
 Лѣсъ на покать двухъ холмовъ

И скромный домъ въ садовой чащѣ —
Пріютъ младенческихъ годовъ.

Промчалось ты, златое время!
Съ тѣхъ поръ по свѣту я бродилъ,
И наблюдалъ людское племя,
И, наблюдая, возскорбилъ.

Ко благу пылкое стремленье
Отъ Неба было мнѣ дано;
Но обрѣло ли раздѣленье,
Но принесло ли плодъ оно?

Я братьевъ зналъ; но сны молодые
Соединили насъ на мигъ:
Далече странствуютъ иные
И въ міръ нѣтъ уже другихъ.

Я твой, родимая дуброва!
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительнаго крова
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.

Привелъ подѣ сънь твою святую
Я соучастницу въ молябахъ,

Мою супругу молодую
Съ младенцомъ тихимъ на рукахъ.

Пускай, пускай въ глуши смиренной
Съ ней милой, быть мой утѣхъ,
Другихъ урочищъ вселенной
Не буду помнить бытія.

Пускай о свѣтъ не тоскуя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

СХХV.

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!

Какъ ясень небосклонъ!

Своей лазурію живой

Слѣпить мнѣ очи онъ.

Весна, весна! какъ высоко

На крыльяхъ вѣтерка,

Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,

Летаютъ облака!

Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!

Взревѣвъ, рѣка несетъ

На торжествующемъ хребтѣ

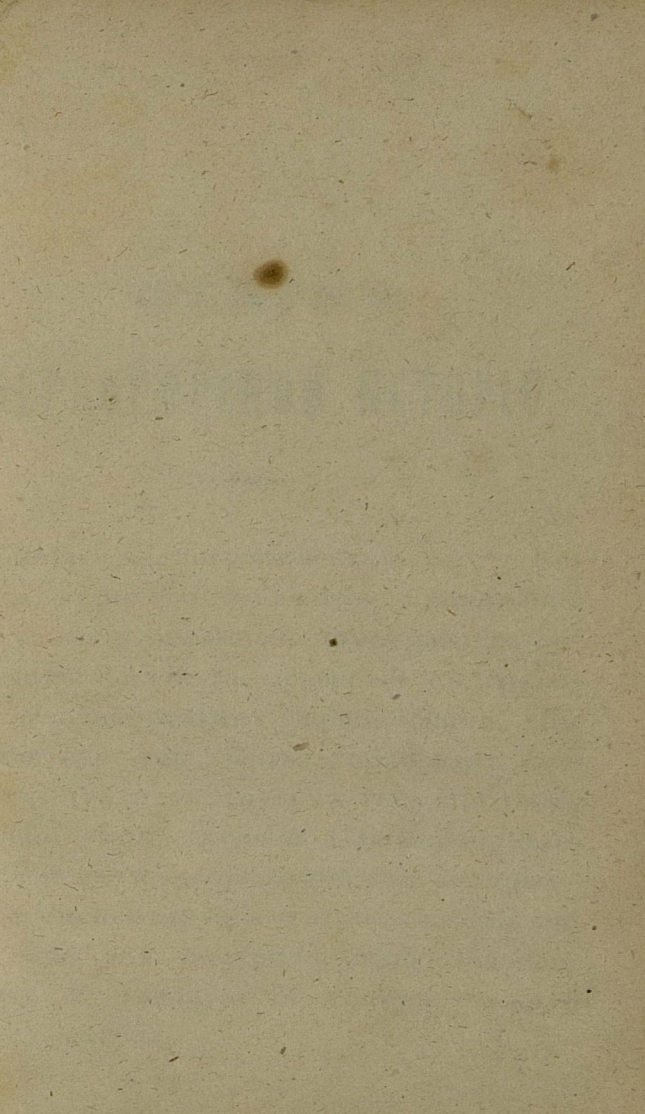
Поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены,

Но въ рошѣ ветхой листь,

Какъ прежде, подъ моей ногой,

И шуметь и душисть.

ОЧЕРКЪ

ЧЕРНОГОРСКОЙ ИСТОРИИ.

Смотря на географическую карту Европы, вѣроятно вы часто удивлялись тому, какія огромныя пространства занимаетъ Россія въ сравненіи съ другими государствами Европейскими. Вы удивитесь еще болѣе, если вамъ скажутъ, что и въ другихъ государствахъ многія земли заселены Славянами, племенами намъ однородными, изъ которыхъ многія исповѣдуютъ и одну съ нами вѣру. Они все потеряли свою независимость и повинуются теперь чуждой

власти Нѣмцевъ или Турокъ. Впослѣдствіи мы расскажемъ про историческія судьбы каждаго изъ этихъ племенъ, теперь же намѣрены передать вамъ исторію Черногорцевъ, племени, обитающаго въ Турціи между Босніею, Албаніею, Герцеговиною и Австрійскою Далмаціею.

Большая часть той земли, которую обыкновенно называютъ Турціею, населена Славянами Сербскаго и Болгарскаго племени; они говорятъ своимъ языкомъ, сходнымъ съ Русскимъ и съ Славяно-церковнымъ, и почти всѣ исповѣдуютъ Православную вѣру. Нѣкогда эти племена были покорны Византіи и платили ей дань; впослѣдствіи, когда Византійская имперія начала склоняться къ паденію, Славяне задумали составить отдѣльное государство. Въ половинѣ XII столѣтія, послѣ смерти императора Эммануила, одинъ изъ ихъ князей, Стефанъ Неманя, отторгнулъ нѣкоторыя племена отъ власти Греческой им-

періи; при его сынѣ, тоже Стефанѣ, прозванномъ *Первовѣнчаннымъ*, упрочилась независимость Славянъ. Ихъ преемники распространяли болѣе и болѣе свои владѣнія, и, наконецъ, при Стефанѣ Душанѣ (въ 1-й половинѣ XIV столѣтія), Сербія соединила подъ одну державу почти всѣ племена Славянскія, обитавшія въ имперіи. Царствованіе Душана было славнымъ временемъ для Сербіи; онъ былъ столько же храбрый воинъ, сколько и мудрый законодатель; заботился о распространеніи предѣловъ своего царства и вмѣстѣ съ тѣмъ о внутреннемъ порядкѣ и управленіи. Черногорія, подъ именемъ Зеты, принадлежала къ его царству. Но съ этого же времени, славнаго для Сербіи, начинается ея паденіе. Съ одной стороны, преемники Стефана не имѣли достаточно силы и умѣнья, чтобы продолжать начатое имъ дѣло, съ другой — нашествія Турокъ грозили завоеваньемъ всему Гре-

ческому полуострову. Въ самой Сербіи начались неурядища. Сынъ Стефана, малолѣтній Урошъ, былъ убитъ воеводою Вукашиномъ. Вукашинъ сѣлъ на окровавленный имъ престолъ Сербіи и начались междоусобія. Зета, не признавая его царемъ, избрала своего князя и отдѣлилась отъ Сербіи.

Преемникъ Сулеймана, Амурать 1-й, завоевалъ Адрианополь и прилегавшія къ нему Славянскія земли, и съ огромнымъ войскомъ шелъ на Сербію.

Предъ грозившею опасностію Сербы соединились вновь. Послѣ Вукашина, общимъ согласіемъ они избрали царемъ Лазаря; но эта минута взаимнаго мира и согласія была послѣдняя. Амурать, при Косовѣ полѣ, встрѣтилъ соединенныя силы Сербовъ. Здѣсь (въ 1389) была та грозная битва, въ которой были убиты султанъ Амурать, царь Лазарь и пало Сербское царство. Всѣ его области были завоеваны Турками, исклю-

чая одной Зеты. Зетскій банъ Баоша спѣшилъ съ войсками къ Косову полю, но, узнавъ на дорогѣ, что войска Сербскія были разбиты и Турки грозятъ нападеньемъ на его владѣнія, возвратился назадъ, собралъ новыя войска и на границѣ выжидалъ Турокъ. Но смерть Амурата замедлила на время походъ на Зету. При его преемникѣ предположено было окончательно завоевать всѣ области имперіи Греческой и Сербскаго царства. Въ Черногоріи, по смерти перваго бана, владѣли его наслѣдники, прозванные Черноевичами. Имъ было еще возможно защищаться противъ Турокъ, ибо смежныя съ ними области еще не были вполне покорены власти Мусульманъ и дрались съ ними. Георгій Кастріотъ, прозванный Скандербергомъ, соединивъ подъ свою власть Эпиръ и Албанію, счастливо защищался противъ Турокъ. Въ Босніи образовалась небольшая, но независимая область Герцегови-

на, названная такъ по прозванью своего владѣтеля, Стефана—Герцегомъ, и тоже защищалась. Черноевичъ былъ союзникомъ обѣихъ державъ, но вскорѣ, по смерти Кастріота, Эпиръ, Албанія и Герцеговина были завоеваны Турками; съ этой минуты Черногорцы лишились союзниковъ и одни должны были противоборствовать силѣ Турокъ. Они попробовали было просить помощи у Венеціи, но она не только не думала помогать имъ, но желала обезсилить ихъ, опасаясь, чтобы подвластные ей приморцы, единоплеменники и единовѣрцы Черногорцамъ, не соединились когда-нибудь съ ними. Венеція дѣйствовала коварно. Ведя войну съ Турками, всегда приглашала въ союзъ Черногорцевъ, и они помогали ей. Заключая миръ, она всегда выдавала Черногорцевъ, и мщеніе Турокъ всегда разражалось надъ ними. Никто не могъ помочь Черногорцамъ. Славянскія земли въ западной

Европѣ давно были плѣнены Латинскою еѣрою и чуждою властью. Въ Россіи, во время паденія Сербіи, княжилъ Васплій, сынъ Димитрія Донскаго. Нашествіемъ Монголовъ были прерваны ея сношенія съ Византіею и южными Славянами, отъ которыхъ нѣкогда пришли къ ней и проповѣдь истинной вѣры, и книги Священнаго писанія на языкъ ей родномъ. Лишь только нанесла она рѣшительный ударъ Татарамъ; лишь только возникла сила и единство земли Русской въ Москвѣ, какъ страшная судьба постигла южныхъ собратій. Съ юга ей грозили еще остатки Татарскихъ ордъ, съ запада Литва и Ливонія; а внутри ея только что развивалась и созрѣвала ея будущая сила. Когда усмирила она враговъ внѣшнихъ и укрѣпилась внутри, — она протянула руку помощи южнымъ Славянамъ при великомъ Петрѣ. Между тѣмъ, ожидая этой счастливой минуты, Черногорцы, маленькое пле-

мя, заключенное въ горахъ бесплодныхъ, должны были одни вести войну съ грозною силою Турокъ почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія, — войну за Святую, Православную вѣру и свободу своего отечества, говоря словами ихъ народныхъ пѣсенъ.

Турки со всѣхъ сторонъ окружили Черногорію; не будучи въ силахъ защищать долины, Иванъ Черноевичъ оставилъ свою столицу Жаблякъ и перенесъ средоточіе земли внутрь горней Зеты, въ Цетинскую долину; здѣсь онъ построилъ монастырь и учредилъ въ немъ митрополію; здѣсь построилъ свой домъ.

Турки завоевали всю дольную Зету, но всѣ ихъ усилія завоевать горную оставались напрасны. Они удовольствовались тѣмъ, что прозвали ее горами ужасными, черными (Карадахъ), и поручили Скутарскому пашѣ стѣснять ее пре-

дѣлы и вести постоянную войну. Съ этого времени горная Зета прозвалась Черногоріею.

Послѣдній Черноевичъ, добровольно отказавшись отъ власти и поставивъ, по волѣ народа, своимъ преемникомъ митрополита, удалился въ Италію; такъ началась власть митрополитовъ въ Черной горѣ; не самовольно митрополитъ забралъ въ руки государственное управленіе; его избралъ народъ, и управленіе принадлежало столько же ему, сколько и народу. Наступило ужасное время для Черногоріи; — Турки тѣснили ее со всѣхъ сторонъ; отняли всѣ плодоносныя долины; препятствовали ввозу съѣстныхъ припасовъ, тѣмъ болѣе — пороху и свинцу, который запрещено было продавать имъ и въ Венеціанскихъ владѣніяхъ. Безплодныя горы не въ состояніи были прокормить Черногорское народонаселеніе; въ ней распространилась крайняя бѣдность; между тѣмъ Турки паграж-

дали и деньгами и землями тѣхъ, которые принимали Магометанскую вѣру. Соблазнъ былъ великъ, и многіе рѣшились оставить вѣру отцевъ. Въ Черногорію сильно прокралось Магометанство; возникли внутреннія вражды и кровавая месть, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ непрерывно нападали Турки и покорили большую часть земель. Одна Катунская нахія (уѣздъ), самая бѣдная изъ всѣхъ, не поддавалась ни силѣ Турокъ, ни Магометанской вѣрѣ, и свято хранила преданья отцовъ.

Въ такомъ положеніи была Черногорія, когда на престолъ митрополитскій возшелъ Даніилъ, современникъ Петра Великаго. Предки митрополита Даніила были выходцы изъ Герцеговины. Когда Турки завоевали ихъ родину, они удалились въ Черногорію и поселились на скатахъ горы Ловчина. Построенное ими село они называли Негоши, по имени той горы въ Герцеговинѣ, при подножіи которой

они жили прежде. Данилъ еще ребенкомъ тайно ушелъ отъ родителей въ Цетинскій монастырь; тамъ онъ былъ постриженъ въ монахи и принялъ имя Данила, вмѣсто прежняго Никко (Николай). Старшій братъ его былъ однимъ изъ начальниковъ Черногорскихъ, любимъ и уважаемъ народомъ. По смерти митрополита Саввы (въ 1697 году), народъ, изъ привязанности къ брату, избралъ Данила владыкою; ему было не болѣе 16 лѣтъ въ это время. Когда посланные отъ народа пришли и звали его въ собраніе, онъ отказывался и плакалъ; насильно вывели его къ народу, и народъ тысячами выстрѣловъ привѣтствовалъ его какъ владыку. Черезъ три года, Арсеній Черноевичъ, патріархъ Сербскій, въ Венгріи рукоположилъ его архіереемъ и на соборъ передалъ его попеченію епархію Скендарскую. Нѣтъ никакихъ извѣстій о первыхъ годахъ владычества Данила. Но его сильно зани-

мала судьба Черногоріи. Онъ чувствовалъ, — если Магометанская вѣра и власть Турокъ будутъ распространяться болѣе и болѣе, то неизбежно погибнетъ его родина. Онъ приготовлялъ ей лучшую судьбу; слѣдующія происшествія вызвали Данила на подвигъ дѣйствія, и съ этого времени вся исторія Черногоріи, ему современная и будущая, тѣсно связалась съ его лицомъ. Турки, предвидя въ немъ ихъ будущаго побѣдителя, искали средствъ умертвить его. Въ это время пріѣхалъ въ Подгорицу (Турецкую крѣпость, пограничную съ Черногоріею) посланникъ изъ Константинополя, съ цѣлію прекратить войну на границахъ и окончательно присоединить Черногорію къ Турціи. Онъ послалъ къ владыкѣ пословъ просить его къ себѣ для важныхъ переговоровъ. Зная коварство Турокъ, владыка, можетъ быть, не согласился бы исполнить требованіе паши, еслибъ къ этому не присоединилъ

лось другое обстоятельство, принудившее его поѣхать въ Подгорицу. Народная пѣсня такъ рассказываетъ это происшествіе. Одинъ священникъ въ дольней Зетѣ, видя, какъ сильно распространяется Магометанство, собралъ на совѣтъ своихъ согражданъ и уговорилъ ихъ выстроить Православную церковь. Скоро были собраны деньги, и церковь выстроена; вмѣстѣ съ посольствомъ паши, жители Зеты пришли къ Даніилу и просили его освятить имъ церковь, увѣряя честнымъ словомъ паши, что Турки не сдѣлаютъ ему никакого оскорбленія. Ради Православной вѣры и своего закона, говоря словами пѣсни, владыка рѣшился исполнить ихъ просьбу, хотя не вѣрилъ слову паши и, прощаясь съ Черногорцами, говорилъ: Богъ знаетъ, возвращусь ли я. Демиръ паша ласково встрѣтилъ владыку, самъ вышелъ къ нему на встрѣчу, но, послѣ переговоровъ, увидалъ, что ему не удастся поклонить

его на свою сторону. Когда владыка освящалъ церковь, во время литургіи Турки схватили его и стали мучить. Мученьями думалъ наша принудить его согласиться на свои предложенья, но ошибся въ своемъ разсчетѣ. Послѣ многихъ мученій, Даніилу связали назадъ руки и повели отъ Подгорицы къ Спужу (другой Турецкой крѣпости), говоря: пусть выберетъ самъ мѣсто для своей казни. Такъ нѣсколько дней водили его взадъ и впередъ, а ночью, подвязывая подъ руки веревку, привѣшивали къ стѣнѣ, чтобы не ушелъ. Зетскій священникъ тайно приходилъ къ нему ночью и на плечахъ поддерживалъ его. Такъ мучили Турки Православнаго епископа, и Даніилъ твердо переносилъ мученія, но такой поступокъ съ владыкою возмутилъ жителей Зеты. Они пришли къ пашѣ и просили его отпустить владыку; они грозили несчастіями, голодомъ и болѣзнями, если онъ вздумаетъ убить

его. Суевѣрный Турокъ, испуганный предвѣщаніями, рѣшился освободить его, назначивъ выкупъ въ 600 цехиновъ. Бѣдные Зетчане и Черногорцы продали послѣднее имущество, составили требуемую сумму и выкупили Даніила.

Возвратясь въ Черногорію, Даніиль собралъ весь народъ въ Цетинскую долину на общее совѣщаніе. Чувствуя, что главную причину бѣдствій Черногоріи составляютъ распространившіеся въ ней Магометане, народъ рѣшился изгнать или истребить ихъ и тѣмъ окончательно прервать всѣ сношенія съ Турціею. Наканунъ Рождества Христова рѣшились исполнить и исполнили свое намѣреніе. Турки, желая отмстить за такой поступокъ, напали на Черногорію, но владыка Даніиль счастливо отразилъ ихъ нападеніе и обратилъ все вниманіе на устройство порядка внутри Черногоріи. Но его мирныя занятія вскорѣ были прерваны новою войною.

Въ это время (въ 1711 году) Россія воевала съ Турціею. Петръ Великій, узнавъ о Черногорцахъ, отправилъ къ нимъ посланниковъ съ грамотами на имя владыки и губернатора, и приглашалъ ихъ принять участіе въ войнѣ, предпринятой имъ съ тою цѣлію, чтобы угнѣтенныхъ Православныхъ Христіанъ, если Богъ поможетъ, отъ ига Магометанскаго освободить. Снова былъ собранъ весь народъ, и владыка прочелъ ему грамоты Русскаго императора. Народныя пѣсни описываютъ тотъ восторгъ, съ которымъ выслушали ихъ Черногорцы. Всѣ воскликнули единогласно: Слава Великому Богу, мы слышали, что гдѣ-то далеко существуетъ Православный царь и великое царство, но никогда не думали, что онъ знаетъ и помышляетъ о насъ. Но теперь, когда онъ призываетъ насъ на войну противъ Турокъ, вотъ наши сабли при поясѣ, наши ружья въ рукахъ; мы ис-

правны и готовы ударить на враговъ, когда повелить онъ. Никто бы не подумалъ, продолжаетъ та же пѣсня, что Черногорцы идутъ на войну; казалось они приготавливаются къ свадебному пиру.

Но радость продолжалась не долго. Между тѣмъ какъ Черногорцы дрались на границахъ, пришло извѣстіе о мирѣ, заключенномъ при Прутѣ. По заключеніи мира съ Русскими, сераскирь Ахметъ паша получилъ повелѣніе съ 60 тыс. войска двинуться на Черную гору. Услышавъ о движеніи Турокъ, владыка удалился внутрь Черной горы, соединилъ войска и готовился ихъ встрѣтить. Весною, въ 1713 году, была битва при Царевомъ Лазѣ, гдѣ владыка Даніиль на голову разбилъ Турокъ. Онъ самъ предводительствовалъ войскомъ. Крестъ, подаренный ему Петромъ Великимъ, который онъ носилъ всегда на груди, былъ разсѣченъ ударомъ сабли, но Даніиль остался невредимъ.

Настало время мира, но не надолго. На другой годъ, Душманъ паша Чуприловичъ съ 120 тыс. войска двинулся на Черногорію, чтобы отмстить ей за поражение Турокъ. Прійдя на границы, онъ писалъ Черногорцамъ, что Турки хотятъ заключить съ ними миръ, и просилъ ихъ прислать своихъ уполномоченныхъ. Владыка послалъ тридцать семь человекъ, но паша велѣлъ ихъ зарѣзать и началъ войну. Его огромное войско наводнило всю Черногорію; трудно было малочисленнымъ Черногорцамъ, нуждавшимся въ порохѣ и свинцѣ, противостоятъ его силѣ. Но они, отправивъ женъ и дѣтей въ Венеціанскія владѣнья, заключили между собою союзъ — лучше умереть, нежели покориться Туркамъ. Нѣсколько недѣль длилась война; множество погибло Черногорцевъ; немногіе скрылись въ горныхъ ущельяхъ. Паша, съ огнемъ и мечемъ пройдя всю Черногорію, подступилъ наконецъ къ Вене-

ціянскимъ границамъ. Венеція позволила ему пройти черезъ свои владѣнія и състь на корабли, и выдала Туркамъ Черногорскихъ женъ и дѣтей. И Турки зарѣзали всѣхъ дѣтей мужескаго пола. Изливъ свою злобу на несчастныя жертвы, паша удалился, сказавъ: Черногорія уже не встанетъ. На пути онъ отнялъ Морею у Венеціанъ—достоянная награда за ихъ коварство, говоритъ Черногорская пѣсня.

Между тѣмъ, остатки Черногорскаго народонаселенія соединились снова. Начали строить сѣла и церкви, и драться на границахъ съ Турками. Владыка Данииль отправился въ Россію просить вспомошествованія, и Петръ Великій щедро наградилъ его. Когда онъ возвратился назадъ, у Турокъ пронесся слухъ, что Черногорцы готовятъ войска, желая отмстить Туркамъ. Чтобы предупредить, Турки нѣсколько разъ нападали со стороны Герцеговины, но владыка Данииль

такъ счастливо отразилъ ихъ всѣ нападенія, что, въ послѣдніе годы его владычества, Турки не смѣли нападать на Черногорію. Онъ умеръ въ 1735 году и погребенъ въ монастырѣ Цетинскомъ; вся Черногорія собралась къ его гробу; всѣ клялись исполнить его завѣщаніе: хранить вѣру отцовъ и независимость родины. Даніилъ былъ храбръ и неустрашимъ, всегда самъ предводительствовалъ войскомъ (*), былъ дѣятеленъ въ дѣлахъ внутренняго управленія; упрочить внутреннее согласіе, уничтожить кровавую месть—было постояннымъ его стремленіемъ. Черногорцы по справедливости называютъ его возстановителемъ своей свободы. Память о немъ живо сохраняется въ Черногоріи, и каждый Чер-

(*) Необходимость заставляетъ Черногорское духовенство участвовать въ войнѣ. И у насъ въ Куликовской битвѣ, по благословенію Св. Сергія, участвовали монахи Пересвѣтъ и Ослябъ.

погорецъ знаетъ и поетъ пѣсни про его подвиги.

Владыки, его преемники, продолжали подвиги, начатые Даніиломъ. Они заботились внутри Черногоріи упрочить взаимное согласіе и ввести стройное управленіе. Съ этою цѣлію стремились они придать большую силу и значеніе народнымъ собраніямъ, которыя избирали судей для каждаго села и племени. Судьи обязывались разбирать тяжбы между Черногорцами и предупреждать самоуправство и кровавую месть. Но обычай кровавой мести сильно укоренился въ народъ; долго и упорно онъ существовалъ, не смотря на дѣйствія владыкъ. Только въ недавнее время уничтожена совершенно кровавая месть въ Черногоріи. Со временъ Даніила опредѣлились окончательно отношенія Черногоріи къ Турціи и другимъ державамъ. Турки уже перестали считать Черногорію одною изъ земель, имъ при-

надлежащихъ, бунтующею противъ законной власти. Черногорцы сильнѣй почувствовали свою независимость, и рѣшились отстоять ее во что бы то ни стало. Двусмысленныя отношенія къ Венеціи также опредѣлились, и Черногорія узнала въ ней тайнаго и опаснаго врага. Черногорія перестала быть толпою народа, отдѣленною отъ всѣхъ и окруженною только врагами. Она пришла въ сношенія съ Россіею и укрѣпилась сочувствіемъ съ великимъ народомъ, единоплеменнымъ и единовѣрнымъ съ нею.

Вѣчная и непримиримая вражда съ Турками, какъ противниками Православной вѣры и губителями Сербскаго царства, недовѣріе къ Венеціи и другимъ западнымъ сосѣдямъ, внутреннее взаимное согласіе и постоянная преданность Россіи — вотъ начала, завѣщанныя Данииломъ своему народу. Ихъ хранить онъ до сихъ поръ. Въ началѣ XVIII столѣтія

тія, Даніилъ открылъ новый періодъ въ исторіи Черногоріи, и въ концѣ того же столѣтія и въ началѣ XIX-го блистательно довершилъ его митрополитъ Петръ, современникъ императора Александра. Передъ временемъ Петра, внутренній миръ былъ нарушенъ въ Черногоріи. Слабое управленіе, особенно въ послѣдніе годы, митрополита Саввы и появленіе самозванца, Стефана Малаго, были тому причиною. По прежнему сильно начались кровавая месть и междоусобныя войны. Турки умѣли этимъ воспользоваться. Въ годъ смерти митрополита Саввы, когда избранный народомъ ему въ преемники племянникъ его Петръ поѣхалъ рукополагаться къ Сербскому митрополиту, Турки открыли войну. Албанскій паша Кара-Махмудъ (въ 1785 году) въ располхъ напалъ на Черногорію, и съ огнемъ и мечемъ прошелъ ее всю до Цетинской долины. Многія изъ племенъ покорились

Туркамъ, другія согласились платить имъ дань. Въ такомъ положеніи, возвратившись назадъ, засталъ Черногорію владыка Петръ. Онъ собралъ народъ въ Цетинской долинь и уговаривалъ его забыть вражды, помириться и общими силами сбросить Турецкое иго. Два года постоянно ходилъ онъ отъ одного племени къ другому, изъ села въ село, проповѣдуя внутренній миръ и войну противъ Турокъ.

Въ это время, императрица Екатерина, вмѣстѣ съ Австріею, объявила войну Туркамъ. Посланники отъ обѣихъ державъ пришли въ Черногорію и приглашали Черногорцевъ участвовать въ этой войнѣ. Вся Черногорія встала. Началась война и счастливо продолжалась нѣсколько лѣтъ. Наконецъ (въ 1791 году), пришло извѣстіе, что союзныя державы заключили миръ съ Турціею и что Кара-Махмудъ со всѣми своими силами идетъ на Черногорію.

Между тѣмъ у Черногорцевъ не было ни пороху ни свинцу. Владыка Петръ былъ принужденъ послать императору Леопольду II-му драгоценную митру, подаренную императрицею Елисаветою одному изъ его предшественниковъ, и просить за нее пороху и свинцу. Лишь только Черногорцы получили то и другое, какъ Кара-Махмудъ уже вторгнулся въ ихъ предѣлы. Владыка соединилъ всѣхъ Черногорцевъ и самъ повелъ ихъ противъ Турокъ. Послѣ двукратнаго боя, Турецкія войска были разбиты и самъ Кара-Махмудъ убитъ. Наступилъ миръ въ Черногоріи.

Между тѣмъ, въ западной Европѣ гремѣла война, измѣнялся прежній порядокъ вещей; Венеціанская республика была завоевана и уничтожена Французами. Ея судьба имѣла вліяніе на судьбу подвластной ей Далмаціи. По Кампо-Формійскому договору (1798 года), она была присоединена къ Австрійской им-

періи. Австрійскія войска вступили въ Далмацію. Но вскорѣ побѣды Наполеона принудили Австрію къ заключенію Презбургскаго мира (26 Декабря 1805 года), по которому Австрійская имперія обязалась уступить Далмацію Французамъ. Узнавъ объ этомъ, жители Каттарскаго округа возстали и обратилсь съ просьбою къ митрополиту Черногорскому — защитить ихъ отъ Французовъ. Митрополитъ вступилъ съ войсками въ приморіе и находившихся тамъ Австрійцевъ принудилъ удалиться. Услышавъ о дѣйствіяхъ Черногорцевъ, адмиралъ Сенявинъ, охранявшій въ это время Іоническія острова отъ Французовъ, вошелъ съ флотомъ въ Каттарскій заливъ и, совокупно съ Черногорцами, открылъ военныя дѣйствія. Вскорѣ Далмація до Рагузы была завоевана Русскими и Черногорцами. Наполеонъ, не видя возможности съ моря защитить Далмацію, принудилъ Австрію пропустить

чрезъ свои владѣнья 40-тысячный корпусъ Французовъ. Вскорѣ Лористонъ занялъ Рагузу. Послѣ жестокихъ битвъ подъ ея стѣнами, пришло повелѣніе отъ императора Александра прекратить войну. Но спустя немного времени, вновь началась эта война и продолжалась до 1814 года. Во время нашествія Наполеона на Россію, Черногорцы счастливо дрались съ Французами въ Далмаціи и постоянно владѣли Каттарскимъ округомъ. По Вѣнскому договору, Далмація уступлена была Австрійской имперіи. По повелѣнію императора Александра, владыка передалъ Австріи округъ Каттарскій и удалился въ Черную гору, гдѣ ожидали его новыя войны съ Турками; но онъ окончилъ ихъ блистательно, отнявъ у Турокъ и присоединивъ къ Черногоріи многія племена. Владыка Петръ былъ высокаго росту и красивъ собою, краснорѣчивъ, съ образованнымъ умомъ и непреклонною волею. Всегда самъ пред-

водительствовалъ войскомъ и велъ сношенія съ сосѣдними народами; ни сила Турокъ, ни хитрыя обѣщанья Французовъ не могли поколебать его рѣшимости, ни самой правительственной власти. Защитить независимость Черногоріи и поддержать союзъ съ Россіею, — вотъ мысль которая досталась ему отъ Даніила, которую преслѣдовалъ онъ во всю свою жизнь и передалъ преемнику. Онъ былъ любимъ народомъ. Одного его слова достаточно было, чтобы подвигнуть Черногорію къ войнѣ или миру, прекратить внутреннія ссоры и кровавую месть. Пользуясь сильнымъ вліяніемъ на народъ, онъ успѣлъ ему внушить мысль о необходимости уничтожить самоуправство и кровавую месть (*) и учредить правильные суды и упра-

(*) Роды считали своею обязанностію мстить другъ другу за cadaго убитаго; таковъ обычай во всѣхъ первоначальныхъ обществахъ; въ обществахъ же благоустроенныхъ онъ замѣняется правомъ государственнаго суда надъ виновными.

вление внутри Черной горы. Часто созывалъ онъ народныя собранья, постоянною цѣлью которыхъ было — составить судебникъ. Этимъ судебникомъ кровавая месть была уничтожена и замѣнена денежными пенями; но постоянныя и долгія войны препятствовали ему привести въ исполненіе всѣ предписанья судебника. Эта честь принадлежитъ его преемнику, теперешнему владыкѣ Черногоріи, Петру второму. Но какъ сильно занимала его эта мысль, можно видѣть изъ того, что въ духовномъ завѣщаніи онъ проситъ народъ на полгода прекратить кровавую месть, обѣщая имъ, что вновь устроенные суды къ этому времени разберутъ всѣ ихъ тяжбы. Когда онъ умеръ (въ 1830 году въ Октябрѣ), народъ, собравшись на его похороны, далъ обѣщанье исполнить его просьбу, и исполнилъ. Между тѣмъ, его преемникъ успѣлъ поставить судей по выбору народа и водворить законный порядокъ и управленіе. Черезъ пять лѣтъ,

во время перестройки Цетинскаго монастыря, нашли нетлѣннымъ тѣло владыки Петра. Народъ торжественно перенесъ его въ главную церковь, и чтить, какъ Святаго, покровителя Черной Горы.

II.

ОТРОКЪ ВЯЧКО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Руалльдъ — старый воинъ.

Вячко	}	отроки.
БЕРМЯТА		

Дѣйствіе въ 968 году, въ Кіевѣ, на городской стѣнѣ.

1.

В Е Ч Е Р Ъ .

Руальдъ и Бермята.

РУАЛЬДЪ

Ты правъ, Бермята, больно худо намъ :
Ѣсть нѣчего, пить нѣчего, и голодъ
И жажда долго и жестоко насъ
Томятъ и мучать, и, въ добавокъ къ нимъ,
Еще и та невзгода, что Изокъ
Стоить у насъ необычайно жарокъ,
И тихъ, и сухъ, и душень не втерпежь.
Изъ края въ край, небесный сводъ надъ нами
Безвѣтренъ и безоблаченъ, и блещетъ,
Какъ золотой, и солнце такъ и жжетъ
Луга и нивы. Съ ранняго утра
До поздней ночи бродишь, самъ не свой;
И ночью нѣтъ тебѣ отрады: ночь

Не освѣжить тебя, не успокоить
 И спать тебѣ не дать, вертись и бейся
 Ты хоть до слезъ.... такіежь точно дни,
 Такіяжь ночи, помню я, бывали
 Въ землѣ Сиканской. Уфъ! какой тамъ жаръ,
 И вспомнишь, такъ едва не задохнешься,—
 Нѣтъ, мнѣ морозъ сносиѣ: отъ него
 Уйдешь къ огню и спрячешься въ одежду,
 Не осовѣешь; еслижь лѣтній жаръ
 Пройметъ тебя; такъ отъ него и въ воду
 Ты нейдешь: и въ ней прохлады мало,
 И весь ты слабъ и вялъ. Да, худо намъ
 И больно худо.

БЕРМЯТА.

И рѣку у насъ
 Отрѣзали злодѣи Печенеги.

РУАЛЬДЪ.

Все—ничего, лишь уповай на Бога,
 Да не плошай, да не робѣй и самъ.

БЕРМЯТА.

Оттерпимся, либо дождемся князя
 Къ себѣ домой изъ дальняго похода.

РУАЛЬДЪ.

Досадно мнѣ, что Прейтичь за Днѣпромъ
 Стоить и ждеть того же. Чтобъ ему
 Рѣшиться и ударить, всею силою,
 На ратный станъ поганныхъ Печенеговъ,
 И къ намъ пробитьсяябъ. Что тутъ долго
 думать?
 Богъ вѣсть, когда дождемся Святослава?

БЕРМЯТА.

Поди, ему и не въ домекъ про то,
 Какъ мы сидимъ въ осадѣ, еле живы....

РУАЛЬДЪ.

А князь далеко, и не можетъ знать
 О нашемъ горѣ.

БЕРМЯТА.

Князю что до насъ;
 Онъ Кіева не любить, онъ его
 Забылъ совсѣмъ, онъ промѣнялъ свой Кіевъ
 На чужеземный городъ, и живетъ
 Тамъ весело — и хорошо ему!
 Охъ, не люблю я князя Святослава.

РУАЛЬДЪ.

За что это?

БЕРМЯТА.

За то и не люблю,
Что онъ живетъ не въ Кіевѣ.

РУАЛЬДЪ.

Ты молодъ,
И многого нельзя тебѣ понять
Своимъ умомъ; а я старикъ, я вижу
Подалѣе, чѣмъ ты, молокососъ!
Что Святославъ не нравится тебѣ,
Такъ это, братъ, печаль не велика,
А я его любить не перестану:
Онъ молодецъ!

БЕРМЯТА.

Мнѣ что, что молодецъ!
У насъ ихъ вдоволь: всякой Русь-не трусь!
Ни ты, ни я нигдѣ мы не уронимъ,
Не выдадимъ отцовской славы.... Солнце
Давно за лѣсъ зашло; а намъ на смѣну
Никто нейдетъ....

РУАЛЬДЪ.

Знать сходка задержала.

Чья очередь?

БЕРМЯТА.

Да Вячки.

РУАЛЬДЪ.

Это онъ,

Что приходилъ вчера сюда на стѣну?

Онъ мнѣ не полюбился: больно гордъ онъ,

Его не тронь,—вишь онъ Новогородецъ,

Такъ и спѣсивъ, и съ нимъ не сговоришь;

А парень бойкій!

БЕРМЯТА.

Это былъ не Вячко,

А Спиря. Вячко тоже парень бойкій;

Его ты вѣрно знаешь: онъ тотъ самый

Кудрявый, бѣлокурый, быстроглазый,

Что у Ильи Пророка, въ расписной

Избѣ, живетъ у тетки. Вячко мнѣ

Другъ и названный братъ; онъ родомъ

Изъ-за Мещеры, изъ села Рязани.

РУАЛЬДЪ.

Такъ, помню, знаю, какъ его не знать?
 Я самъ училъ его стрѣлять изъ лука,
 Метать копьемъ; онъ малый хотъ куда,
 Рязанецъ. Я всегда любилъ Рязанцевъ;
 У насъ въ походѣ пятеро ихъ было,
 И живо я ихъ помню и теперь:
 Народъ высокорослый, здоровенный,
 Народъ мачтовый, строевой, люблю ихъ.

БЕРМЯТА.

Вотъ Вячко! ты, братъ, легкокъ на поминѣ.
 Здорово.

ВЯЧКО.

Я замѣшкался, я былъ
 На сходкѣ. Слушай-ко, Бермята,
 Вѣдь ты мнѣ братъ, такъ сдѣлай мнѣ услугу.

БЕРМЯТА.

Изволь, готовъ и радъ я хотъ на смерть
 За своего.

ВЯЧКО.

Останься на сторожѣ

Ты за меня, покуда я опять
Сюда приду; я къ утру ворочусь.

БЕРМЯТА.

Кудажь ты это?

ВЯЧКО.

Вотъ куда! на сходкѣ

Судили и рядили старики

О томъ, что де нельзя ли, какъ нибудь,

За Печенежскій станъ, къ Днѣпру, а тамъ

Ужь и за Днѣпръ—и Претичу словцо

Сказать, что намъ давно ужь силы нѣтъ

Терпѣть бѣду: я вызвался; отецъ

Висаріонъ благословилъ меня

На славный подвигъ.—Я иду—прощай ...

БЕРМЯТА.

Ахъ ты мой милый, ахъ ты удалецъ,

Мой ученикъ! Дай мнѣ тебя обнять;

Храни тебя Господь!

(Обнимаетъ Вячко.)

БЕРМЯТА.

Иди, мой Вячко!

Смотри же ты....

ВЯЧКО.

Не бойся! я, братъ, знаю,
Что дѣлаю, прощай.

(уходитъ.)

РУАЛЬДЪ. *(кричитъ вслѣдъ Вячку)*

Прощай, ты встрѣтишь
Фрелафа, такъ скажи ему, что мнѣ
Не надо смѣны. —

БЕРМЯТА.

Что? каковъ мой братъ?

РУАЛЬДЪ.

Надежный парень! и повѣрь ты мнѣ,
Ему удастся. . . . Всѣ они такіе . . .

БЕРМЯТА.

Добрыня тоже родомъ изъ Рязани.

(помолгавъ.)

Ты говорилъ про князя Святослава. . . .

РУАЛЬДЪ.

И говорю, что любъ мнѣ Святославъ,
Онъ молодецъ; онъ со своей дружиной

За панибрата ; вѣсть , что мы вѣдимъ ,
Пьетъ , что мы пьемъ , спитъ подъ открытымъ
небомъ ,

Какъ мы : подъ головой сѣдло, постеля—
Сѣдельный войлокъ. Вѣтеръ, дождь и снѣгъ
Ему ничто. Ты самъ, я чаю, слышалъ,
Какъ онъ,—тогда онъ былъ еще моложе, —
Когда ходили наши на Древлянь, —
Бросался первый въ битву. Ты увидишь :
Въ немъ будетъ прокъ; онъ будетъ государь
Великій—и прославить свой народъ.

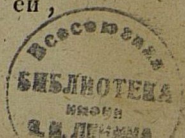
Да, Святославъ совсѣмъ не то, что Игорь, Отецъ его,—будь онъ не тѣмъ помянуть,—Князь Игорь былъ не добрый человѣкъ: Былъ непомѣрно падокъ на корысть! Вѣдь, люди терпятъ, терпятъ,—наконецъ Терпѣные лопаются....

ВЕРМЯТА.

Мнѣ княгиня Ольга
Тѣмъ по сердцу, что бискупа Лаберта
Изъ Кіева прогнала...

РУАЛЬДЪ.

Слава ей,

Что приняла она Святую вѣру
Отъ Грековъ.—

БЕРМЯТА.

Почему же Святославъ
Не принялъ той же вѣры?

РУАЛЬДЪ.

Онъ бы радъ,
Да какъ ему? Нельзяжъ ему перечить
Своей дружинѣ! Праведно и вѣрно
Ему дружина служить; за него
Она въ огонь и въ воду; крѣпко
Стоитъ она за князя, такъ ещебъ онъ
Съ ней ссорился. . . . Бермята, я пойду
На угловую башню; ты останься здѣсь
И сторожи: не спи и не зѣвай.
Давно ужъ ночь. Какая ночь, какъ день!

III.

РАЗСВѢТЪ.

Руальдъ и Бермята.

РУАЛЬДЪ.

Прекрасный островъ, дивная земля,
 Всѣмъ хороша. Не слушаешь, товарищъ;
 Кажись, тебя осиливаетъ сонъ.

БЕРМЯТА.

Нѣтъ, я не сплю, я слушаю тебя;
 Я никогда не пророню и слова
 Изъ твоего разсказа: сладко мнѣ,
 Мнѣ весело душой переноситься
 Съ тобой въ твои отважные походы:
 Въ толпы бойцевъ, въ тревоги боевыя,
 Въ разгульный станъ и братскій шумъ и
 пирь,
 Въ прохладные, воинскіе ночлеги;
 Въ чужихъ поляхъ, при блескѣ новыхъ звѣздъ.
 Летать съ тобой, въ ладьяхъ вѣтрокрылатыхъ,

По скачущимъ, сверкающимъ волнамъ.
 Безбрежнаго, лазореваго моря;
 Или, въ виду красивыхъ береговъ
 И городовъ невиданной земли,
 Причаливать—и тутъ же прямо въ бой....
 Я слушаю.—

РУАЛЬДЪ.

Сиканская земля

Всѣмъ хороша: — кругомъ ея шумить
 И блещетъ море, чисто и свѣтло,
 Какъ синій сводъ безоблачнаго неба;
 На ней оливы, лавры, виноградъ,
 И яблони съ плодами золотыми!
 И города изъ тесаннаго камня
 Обведены высокими стѣнами,
 Богатые и людные, — и сѣла,
 И сѣла, всѣ изъ тесаннаго камня,
 Богатые и краше, крѣпче нашихъ
 Родимыхъ, деревянныхъ городовъ
 И сѣль.—Однимъ она не хороша:
 Стоитъ на ней, на самой серединѣ,
 Огромная, престрашная гора,
 Высокая, высокая, такая,
 Что верхъ ея до самаго до неба

Досталь, и облака не залетають
 На верхъ ея, и въ той горѣ огонь, —
 И есть жерло, и черный дымъ выходитъ
 Изъ той горы, и съ той горой бываетъ
 Трясеніе — и молнію и жупель
 Она бросаетъ изъ себя; — въ ту пору
 Находить страшный мракъ на землю; ужась
 И трепеть обнимаетъ человѣка
 И звѣря; — люди вонъ изъ городовъ
 И сѣль бѣгутъ и, словно какъ шальные,
 Шатаются, и падають, и вопять!
 А изъ горы огонь столбомъ встаетъ,
 Горячій пепель сыплется, и камень
 Растопленный течетъ и потопляетъ
 Онъ цѣлыя долины и лѣса,
 И города и сѣла; вся земля дрожить
 И воетъ; и подземный громъ и гулъ
 Реветь; и нѣтъ спасенья человѣку
 Ни звѣрю. . . .

БЕРМЯТА.

Какъ же тамъ живутъ?

РУАЛЬДЪ.

Живутъ, себѣ. . . .

ВЕРМЯТА.

Не веселожь тамъ жить!

РУАЛЬДЪ.

Не весело тамъ,—ахъ ты голова!

Вѣдь не всегдажь бываетъ тамъ такое

Трясеніе. Бѣды, братъ, есть вездѣ,

И нѣтъ отъ нихъ пощады никакимъ

Странамъ:—одно отъ всякихъ бѣдъ спасеніе,

Одно, вездѣ, для всѣхъ людей одно

Спасеніе: Святая наша вѣра!

Вотъ и на насъ нашла теперь невѣгода,

Какъ быть, терпи —

ВЕРМЯТА.

А Вячки нѣтъ, какъ нѣтъ!

Давно ужъ разсвѣтало — гдѣжь онъ?...

РУАЛЬДЪ.

Ты, чай, слыхаль, какъ на Царь-градъ
ходили

Аскольдъ и Дирь?

ВЕРМЯТА.

Какъ не слыхать! А что?..

РУАЛЬДЪ.

Свирѣпая, неслыханная буря
Разсѣяла и въ морѣ потопила
Почти что всю ладейную ихъ рать.

БЕРМЯТА.

И это знаю.

РУАЛЬДЪ.

Отъчегожь та буря
Взялась ? —

БЕРМЯТА.

Не знаю, не могу и знать.

РУАЛЬДЪ.

А я такъ знаю! — Вотъ какъ было дѣло :
Въ то время былъ у Грековъ царь негодный...
Какъ бишь его ? Василій ? не Василій...
Левъ ? нѣтъ не Левъ ! — какой онъ левъ ?

Никифоръ ?

И не Никифоръ, — такъ вотъ и вертится
На языкѣ ; — а нѣтъ, не вспомню ; — царь
У Грековъ былъ негодный, и такой

Безпутный и смертельный лошадинникъ,
 И былъ онъ такъ безуменъ, что, бывало,
 Война уже подъ самыя поды стѣны
 Пришла къ его столицѣ, — а ему
 И горя мало; онъ о томъ и слышать
 Не хочетъ; знай себѣ на скачкѣ: — у него
 Тамъ день деньской потѣха: тьма народу,
 И шумъ, и пыль, и громъ отъ колесницъ—
 Безпереставно...

БЕРМЯТА.

— Посмотри: бѣжитъ!

Вѣдь это Вячко! Точно, это онъ,
 Мой другъ и братъ мой....

(Входитъ Вячко.)

ВЯЧКО.

Знай же нашихъ!
 Конецъ бѣдѣ, уходятъ Печенеги!

РУАЛЬДЪ.

Разсказывай!

БЕРМЯТА.

Разсказывай скорѣе!

ВЯЧКО.

Я запыхался, я бѣжалъ сюда...
 Что стало силы, — дайте мнѣ вздохнуть...
 Ну, отдышался — вотъ и хорошо...
 Вчера я въ руки взялъ узду... и вышелъ
 Изъ города; тихонько я пробрался
 Въ станъ Печенеговъ, и давай по стану
 Ходить; хожу, встрѣчаю Печенеговъ,
 Кричу имъ, ихъ собачьимъ языкомъ:
 Не видѣлъ ли кто моего коня?
 А самъ къ Днѣпру,—и къ берегу, и скоро
 Долой съ себя одежду! — бухъ и поплылъ.
 Злодѣи догадались, побѣжали
 Къ Днѣпру толпами, и кричатъ, и стрѣлы
 Въ меня пускаютъ. Наши увидали!
 И лодку мнѣ на встрѣчу, я въ нее
 Прыгнулъ, да былъ таковъ! и вышелъ
 Я на берегъ здоровъ и цѣлъ. Господь
 Спасъ и сберегъ меня. Сегодня,
 Какъ только-что забрезжилась зоря
 На небѣ, Претичь поднялъ станъ свой,
 И трубы затрубили; Печенеги
 Встревожились, встревожился ихъ князь
 И Прейтича встрѣчаетъ; что такое?

«Веду домой передовой отрядъ,
 А вслѣдъ за мной, со всей своею ратью
 Самъ Святославъ!» сказалъ нашъ воевода.
 Перепугался Печенежскій князь,
 И прочь идетъ отъ Кіева со всею
 Своей ордой. Чу! трубы! это наши!
 Идемъ встрѣчать ихъ.

ВЕРМЯТА.

Славно, славно братья!

РУАЛЬДЪ.

Спасибо, Вячко! ты спасенье наше,
 Счастливый отрокъ, честь родной земли!

Н. Языковъ.

Ноября 27 дня 1844 года.

О
ВЛІЯНІИ НАРУЖНЫХЪ УСЛОВІЙ
НА
ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.

СТАТЬЯ II.

III. Личніе.

Въ сѣверныхъ и среднихъ полосахъ, гдѣ въ теченіе года бываютъ двѣ рѣзкія перемѣны въ температурѣ, всѣ животныя перемѣняютъ два раза свой наружный покровъ, охраняющій ихъ отъ дѣйствій природы, особенно холода. Летомъ онѣ покрыты легкимъ, болѣе цвѣтнымъ покровомъ; осенью же онѣ его

сбрасываютъ, и получаютъ болѣе теплый, одноцвѣтный, бѣлый или сѣрый. Зимой у звѣрей *ость* (*) шерсти дѣлается болѣе густою и длинною, и при корняхъ ея вырастаетъ особый, мягкій, рыхлый и весьма частый волосъ — *подшерстокъ*, подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ птицъ и звѣрей на зиму показывается пухъ, котораго у нихъ лѣтомъ почти нѣтъ. Всѣ животныя, на сѣверѣ живущія, имѣютъ *подшерстокъ* и пухъ въ теченіи цѣлаго года; у многихъ же, имѣющихъ лѣтомъ шерсть яркаго цвѣта, напр. рыжаго, сѣраго, зимой — покровъ сплошнаго бѣлаго цвѣта; таковы

(*) На шкуркѣ животныхъ волосъ бываетъ одинъ короче и чаще, другой длиннѣе и рѣже; первый называется *подшерсткомъ*, а второй *остью*, которая обыкновенно отличается и самымъ цвѣтомъ; она особенно замѣтна на животныхъ водяныхъ какъ напр. на бобрѣ, выдрѣ и пр. и чѣмъ *ость* на шкуркахъ этихъ животныхъ чаще и длиннѣе, тѣмъ шкурка дороже.

песцы, горностаи, бѣлки, зайцы, сѣверные олени.

Для промышленниковъ, собирающихъ шкурки звѣрей и птицъ на пушной товаръ или мягкую рухлядь, особенно важно знать время этого линянiя. Звѣроловы (также и птицеловы, ибо птичьи шкурки употребляются тоже иногда на мѣха) ловятъ звѣрей, шкурками которыхъ мы охраняемъ себя отъ холода, постоянно зимою, когда животныя получили уже свой теплый покровъ, цѣнный гораздо дороже лѣтняго. Соболи, куницы, медвѣди, горностаи, зайцы, бѣлки ловятся или избиваются зимою; послѣднiе три звѣря также и потому, что зимняя шкурка ихъ бѣлаго или сѣроватаго цвѣта, только и идетъ въ торговлю; а лѣтняя, рыжеватаго, вовсе не употребляется. Изъ этого правила исключается только песецъ, у котораго лѣтнiй покровъ, сѣровато—голубаго цвѣта, особенно высоко цѣнится, а зимнiй — бѣлаго, весьма низко.

Отсюда уже видно, что охота на пушного звѣря должна производиться исключительно въ странахъ холодныхъ: съверной полосѣ Европы, Азіи и Америки. Есть только одинъ собственно пушной звѣрь, живущій въ жаркой полосѣ, — это *хинхила*, но его мѣхъ зато вовсе не тепелъ, а только красивъ.

IV. Перерожденіе.

Животное, перемѣщенное изъ физическихъ условій, въ которыхъ оно родилось, и перенесенное въ другія, перерождается, и перерождается тѣмъ значительнѣе, чѣмъ рѣзче перемѣна; а потому всѣ животныя, перенесенныя изъ дикаго состоянія въ домашній бытъ человѣка, уже не похожи во многомъ на дикихъ животныхъ, отъ которыхъ произошли — на *родичей* или *родоначалниковъ* своихъ.

Вообще нѣтъ ни одного животного, живущаго около человѣка, которое въ

дикомъ состояніи встрѣчалось бы съ тѣми же самыми признаками; многія домашнія животныя совершенно неизвѣстны нынѣ въ дикомъ состояніи; о родичахъ многихъ изъ нихъ можно судить только гадательно. Такъ верблюды извѣстны нынѣ только въ домашнемъ быту; о родоначальникахъ домашней собаки, кошки, козы, овцы и др. не знаютъ ничего положительнаго. Впрочемъ, въ такомъ перерожденіи нѣтъ ничего непонятнаго: а одно всемогущее вліяніе человѣка на животныхъ очевидно. Представимъ себѣ, что помещикъ подарилъ крестьянину жеребенка хорошей породы; у бѣднаго крестьянина жеребенокъ этотъ простоятъ зиму въ холодѣ, на тощей соломѣ; въ ѣзду употребятъ его рано; словомъ, во время развитія своего, когда животное всего болѣе нуждается въ хорошемъ уходѣ, оно будетъ терпѣть всевозможныя лишенія, и потому естественно, когда вырастетъ,

не будетъ ни столь велико, ни столь красиво, ни столь долготно, какъ тѣ лошади, отъ которыхъ родился, и которыя содержатся въ довольствѣ на конюшнѣ у помѣщика. Если же вспомнимъ, что крестьянская лошадь передастъ эти признаки своему потомству, которое, быть можетъ, снова будетъ содержаться совершенно въ иныхъ условіяхъ, то и поймемъ, что, съ теченіемъ многихъ лѣтъ, поколѣніе одной и той же лошади представить совершенно другъ на друга непохожихъ особей. Вотъ причина, почему одно и то же домашнее животное при перемѣнѣ мѣстонахожденія своего измѣняетъ и свои признаки. Тирольскія и Швейцарскія коровы отличны отъ Голандскихъ, а Голандскія отличны отъ всѣхъ прочихъ. Петръ Великій перевелъ много Голандскихъ коровъ въ Холмогорскій уѣздъ Архангельской губерніи, гдѣ онѣ однако же скоро переродились, удалились отъ своихъ матерей, и сдѣла-

лись въ Россіи извѣстными подъ названіемъ *холмогорскихъ*; въ послѣдствіи порода ихъ постоянно ухудчалась, и оказалась надобность для поддержанія ея выписать вторично Голандскую породу. Тонкошерстныя или тонкорунныя овцы (*), извѣстныя въ южной части западной Европы подъ именемъ *мериносовъ*, произошли, вѣроятно, отъ тонкорунныхъ овецъ южной Азіи; нѣкогда ими особенно славилась Испанія, потомъ они размножились во всей южной Европѣ, а нынѣ въ большомъ количествѣ разводятся въ Приволжскихъ и Остзейскихъ губерніяхъ, и въ степяхъ южной Россіи, которая не только не выписываетъ болѣе непрядевой шерсти изъ западной Европы, а напротивъ сама отправляетъ туда большіе запасы шерсти улучшенныхъ овецъ. Нѣкогда Европа

(*) Шерсть дорогихъ улучшенныхъ овецъ называютъ также *руномъ*.

получала *козій пухъ*, для приготовленія дорогихъ шерстяныхъ матерій, съ Ангорскихъ и Тибетскихъ козъ, изъ южной Азіи, а нынѣ на Оренбургской линіи разводятъ подобныхъ животныхъ, и собираемый съ нихъ *пухъ* (или, правильнѣе, *подшерстокъ*) отправляютъ за границу.—Въ южной Россіи и, какъ слышно, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ разводятъ также породу кроликовъ, называемыхъ *Ангорскими*, и доставляющихъ также весьма нѣжный, мягкій пухъ.—Но самый разительный примѣръ измѣненія животнаго подъ вліяніемъ чело-вѣка есть собака, которая слѣдуетъ за нимъ повсюду, а потому и представляетъ безконечныя различія наружныхъ признаковъ, образа жизни, инстинкта. Отъ большой и сильной медевянской, идущей смѣло на большаго звѣря, до изнѣженной болонки и москвы; отъ голы Африканской породы до овчарки и пуделя, утопающихъ въ шерсти; отъ

легкой борзой, носящейся стрѣлой по землѣ, до Ньюфундландской, избравшей воду любимую своей стихіей—всѣ онѣ произошли, по всему вѣроятію, отъ одного родича, ибо всѣ мѣшаются между собою, всѣ переходятъ другъ въ друга.

Человѣку, слѣдовательно, дана возможность выбирать изъ среды дикихъ животныхъ такихъ, которыми онѣ, окружая себя, можетъ удовлетворять своимъ разнообразнымъ мѣстнымъ нуждамъ и прихотямъ. Человѣкъ издавна началъ важное дѣло порабощенія животныхъ, но не надъ всѣми успѣлъ одинаково: одни поработорились ему совершенно, такъ что могутъ размножаться въ его домашнемъ быту, какъ напр. корова, овца, собаки, куры, утки и пр.; другія не размножаются подъ властію человѣка: таковы, попугай, слонъ, обезьяна, а потому, послѣ смерти такой порабощенной особи, человѣкъ долженъ поработорить вновь другую изъ дикаго состоянія. Первыя жи-

вотныя, принадлежащія чловѣку всѣмъ своимъ родомъ, называются домашними (или собственно *порабощенными*); вторыхъ, принадлежащихъ чловѣку только своею особью, называютъ *ручными животными*. Изъ предшествующаго легко видно, что домашнія животныя гораздо болѣе измѣнились въ признакахъ своихъ, нежели ручныя, на которыхъ вліяніе чловѣка слабо; потому-то первыя, говоря строго, суть уже животныя искусственныя, не первобытныя.

Не всегда чловѣкъ переносилъ въ домашній бытъ свой животныхъ, наиболѣе полезныхъ для него: часто выборомъ его руководилъ случай. Не всегда также чловѣкъ порабощалъ тѣхъ изъ нихъ, со стороны которыхъ встрѣчалъ наименѣе сопротивленія. Напротивъ, есть нѣсколько весьма полезныхъ животныхъ, которыя совершенно готовы ему поработиться, и на которыхъ

онъ не обратилъ доселѣ должнаго вниманія. Къ такимъ особенно принадлежитъ большой Новоголандскій кэнгуру, легко разводимый во всѣхъ частяхъ южной и средней Европы, и могущій доставить человѣку вкусное мясо и теплый мѣхъ. Къ животнымъ, которыхъ, конечно, человѣкъ долженъ бы стараться поработить, безспорно принадлежатъ также сѣрыя и бѣлыя куропатки, большія и малыя тетерева, служащія ему любимую и здоровою пищею; и не подлежитъ сомнѣнiю, что поработить ихъ было бы гораздо легче, нежели домашнихъ гусей, лебедей, утокъ и вообще водяныхъ птицъ, оставляющихъ въ дикомъ состоянiи насъ на зиму, и слѣдовательно, терпящихъ, въ это время года, въ домашнемъ быту значительныя лишенія, въ сравненiи съ первобытнымъ ихъ образомъ жизни.

Для того, чтобы животное могло сблизиться съ человѣкомъ, требуется,

чтобъ оно и въ дикомъ состояніи любило сближаться съ другими животными: словомъ, для этого необходимъ въ животномъ инстинктъ товарищества. Всѣ домашнія животныя, живущія близъ человѣка, жили, и до порабощенія своего, въ товариществѣ или обществомъ; представляетъ исключеніе одна кошка, но она потому-то и привыкаетъ болѣе къ дому, нежели къ своему хозяину. Отсюда же оказывается весьма естественнымъ, что большая часть домашнихъ животныхъ травоядные: ибо только тѣ, которыя питаются травою, легко повсюду находимою, могутъ жить въ товариществѣ, т. е. стадами; плотоядные же или хищные звѣри, которые должны большею частию доставать себѣ пищу съ бою, обыкновенно живутъ одиноко и, овладѣвъ какою-либо мѣстностію, изгоняютъ изъ нея всѣхъ себѣ подобныхъ.—

Въ каждомъ товариществѣ или стадѣ животныхъ есть самецъ или другая

особь, которой подчиняются прочія особи, и животное, переходя въ домашній бытъ человека, мѣняетъ только своего предводителя: прежде оно слѣдовало другому сильнѣйшему животному, теперь оно покоряется человеку, и потому, чѣмъ тѣснѣе было товарищество дикихъ животныхъ, тѣмъ легче онѣ покоряются и человеку. — Съ другой же стороны, для того, чтобы животное перемѣнило своего обычнаго вождя на новаго, необходимо, чтобы послѣдній умѣлъ пріобрѣсти довѣріе животнаго. — Потому-то человекъ, когда онъ порабощаетъ животное, принужденъ употреблять не открытую силу, не насиліе, а напротивъ старается снискать довѣріе животнаго; оттого же животныя, не столько смысленныя, не могущія оцѣнить стараній и услуги человека, не могутъ и быть имъ перенесены въ домашній бытъ; таковы напр. многія насѣкомыя и пр.

Вѣрнѣйшее и почти единственное сред-

ство снискать довѣренность животнаго безспорно состоитъ въ удовлетвореніи первымъ нуждамъ его, голоду и жадѣ, и потому человекъ, приступая къ порабощенію животнаго, начинаетъ съ того, что томить его голодомъ и жаждою, чтобъ оно сильнѣе чувствовало будущую услугу, потомъ кормить и поить его. Иногда, чтобъ ослабить сопротивленіе сильнаго дикаго животнаго, человекъ лишаетъ его покойнаго положенія, сна и пр. Животное, не понимая, что человекъ причиною его мученій, чувствуетъ только то, что онъ смягчаетъ ихъ, и, по прошествіи извѣстнаго времени, привыкаетъ къ человеку, и съ нимъ сближается. — Чтобъ укрѣпить эту начинающуюся связь, человекъ возбуждаетъ въ животномъ такія желанія, которымъ онъ только одинъ можетъ удовлетворить: онъ пріучаетъ животное къ хлѣбу, сахару, меду, вину и друг. Наконецъ, когда сдѣланъ главный шагъ къ порабоще-

нію , когда поселена въ животномъ до-
вѣренность къ человѣку, тогда уже онъ
можетъ употреблять и открытую силу,
которой животное уже слабо сопротив-
ляется.

Къ числу замѣчательныхъ ручныхъ
животныхъ въ Россіи относятся между
прочимъ и медвѣдь , пляскою и смыш-
леностью котораго нерѣдко тышится у
насъ досужій народъ ; ученіе медвѣдей
прежде составляло даже большую про-
мышленность крестьянъ лѣснстыхъ гу-
берній , особенно же примыкающихъ къ
Уралу , и юго-западныхъ. Въ Виленской
губерніи есть мѣстечко *Сморгонь*, гдѣ
этимъ промысломъ занимались въ боль-
шемъ, нежели гдѣ либо въ другомъ мѣ-
стѣ, видѣ, и заведенію, здѣсь существо-
вавшему, придавали въ шутку названіе
медвѣжьей академіи. Это была крестьян-
ская хата съ каменнымъ поломъ, подъ
которымъ находилась Русская печь. Въ
хату впускали молодаго ручнаго мед-

вѣдя и нагрѣвали полъ, отчего животное, чтобы менѣе страдать отъ него, становилось на заднія лапы; въ послѣдствіи нагрѣвали полъ сильнѣе, и медвѣдь по необходимости уже припрыгивалъ. Во время продолжающагося ученія, коза производила извѣстный стукъ, а по окончаніи его, кормили медвѣдя, или лакомили его хлѣбомъ, медомъ и виномъ. Наконецъ, приходило время, когда не нужно было нагрѣвать пола, потому что медвѣдь, услыша стукъ козы, начиналъ плясать, въ ожиданіи послѣдующаго за тѣмъ кормленія; потому-то вожатые, которые водятъ ученыхъ медвѣдей, послѣ каждой пляски его требуютъ ему отъ зрителей награды.

Но нѣкогда славилось другое ручное животное, гораздо болѣе замѣчательное, это *кречетъ* (*); его употребляли въ соколиной охотѣ, составлявшей любн-

(*) *Falco gyrfalco*.

мую потѣху многихъ верховныхъ лицъ Россіи и Европы. Эта забава состояла въ томъ, что приученныхъ къ тому соколовъ *сажали*, т. е. пускали на дикихъ птицъ, иногда даже на утокъ и гусей, которыхъ они били на лету. Для нея употребляли разныя породы соколовъ, но преимущественно цѣнили кречетовъ, особенную породу ихъ, извѣстную своимъ быстрымъ полетомъ и вѣрнымъ нападеніемъ на птицъ. Кречетовъ ловили въ сѣверной Россіи, особенно близъ Пегоры, и приучали ихъ къ охотѣ, или *выхаживали кречетники*. Дикаго кречета сажали связаннаго въ большое кольцо, привѣшенное къ потолку комнаты, и не позволяли ему спать, приводя кольцо въ движеніе; послѣ долгаго насильственного бдѣнія, кречеть ослабѣвалъ, и тогда позволялъ кречетнику, кормившему его, приближаться къ нему. Въ послѣдствіи ручную птицу приучали къ охотѣ, что составляло

труднѣйшую часть обученія. Ученыхъ кречетовъ, особенно пестрыхъ и бѣлыхъ, (выродковъ) цѣнили чрезвычайно высоко: ихъ Русскіе князья и цари посылали въ даръ иностраннымъ королямъ. Кажется, никогда соколиная охота не процвѣтала въ такой степени, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, особенно любившемъ ее. Онъ даже написалъ особый *сокольничій уставъ* (*), въ которомъ подробно описана сложная церемонія, сопровождавшая выѣздъ на соколиную охоту; при этомъ царь получали значительныя милости *сокольничіи*, сажавшіе кречетовъ во время царской охоты.

Въ Москвѣ, представляющей столько памятниковъ, свидѣтельствующихъ о прошлой жизни и судьбѣ Россіи, есть и такіе, которые имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ соколиной охотѣ, нѣкогда производившейся на поляхъ и

(*) Урядъ сокольничьяго пути.

близъ опушекъ лѣсовъ, окружавшихъ столицу. Село *Сокольники*, съ частію принадлежащей къ нему рощи, отъ того получило и свое названіе, что въ немъ былъ *соколиный дворъ*, гдѣ держали и выхаживали соколовъ, уничтоженный очень недавно. Нынѣшняя красивая *Садовая* улица, окойменная съ обѣихъ сторонъ садами, получила свое названіе не отъ садовъ, разведенныхъ въ новѣйшее время: на мѣстѣ ея по валу разстилался мелкій кустарникъ, далѣе открывалось чистое поле, — а потому здѣсь часто сажали соколовъ и кречетовъ. Въ *Новинской* части есть переулокъ, названный *Кречетниковскимъ*, и приходъ — *Никола въ Кречетникахъ*. Въ селѣ *Коломенскомъ*, снаружи паперти приходской церкви, доселѣ сохранились кресла, съ изображеніемъ на спинкѣ всадника, несущаго на рукъ кречета: на нихъ отдыхалъ царь *Алексѣй Михайловичъ* и потѣшался соколиною охотою, которую производили

его сокольничьи на обширной полянѣ, разкрывающейся передъ храмомъ.

Въ наше время эта забава совершенно забыта въ Европѣ и сохранилась только у нѣкоторыхъ племенъ кочующихъ въ степяхъ приуральскихъ.

У. Вырожденіе.

Наконецъ, если непріязненное вліяніе наружныхъ условій на животныхъ, не могущихъ измѣнить мѣстопробыванія своего, столь сильно, что животные не могутъ долѣе продолжать существованія своего, они вымираютъ, вырождаются; это вырожденіе совершается или на памяти человѣка, или оно совершилось прежде появленія его на землѣ. Поговоримъ сначала о первыхъ.

На островъ Св. Маврікія найдены части скелета птицы *дидо* (*), близкой къ домашнему индійскому пѣтуху, но имѣвшей закривленные когти хищной

(*) *Dido ineptus*.

птицы , неизвѣстной болѣе въ живомъ видѣ ; въ теченіи нынѣшняго года описана , по оставшимся костямъ , также громадная птица (*), имѣвшая ближайшее сходство съ строусомъ; объ обѣихъ говорятъ мѣстные жители, что онѣ жили еще въ недавнее время. Ученый путешественникъ Стеллеръ, первый описавшій Камчатку , видѣлъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Охотскомъ морѣ огромное животное (**), похожее на китовъ и тюленей, поразившее его своими скорыми забавными движеніями , напоминавшими извертливую обезьяну ; но всѣ путешественники, посѣщавшіе то же море , никогда его не видали, не смотря на всѣ ихъ поиски и старанія.

Нѣкоторыя животныя хотя и не выродились еще совершенно, однако же уменьшаются весьма замѣтно въ количествѣ. Съ

(*) *Dinornis Novae-Hollandiae*.

(**) *Rythina Stelleri*.

увеличеніемъ народонаселенія въ Европѣ и съ уменьшеніемъ, въ слѣдствіе того, лѣсовъ, многія лѣсныя животныя почти совершенно исчезли. Въ Англіи нѣтъ волковъ; въ Европѣ весьма рѣдкими сдѣлались лось, бобръ, бурый медвѣдь, филинъ и друг. Нѣкогда въ Сибири почти цѣны не знали пушнымъ звѣрямъ, которыми издревле Россія вела огромный и весьма выгодный торгъ съ Византіею и Ганзейскими городами, и потому всякій билъ пушнаго звѣря сколько и когда ему угодно; но въ наше время правительство, убѣдившись въ примѣтномъ уменьшеніи сихъ животныхъ, нашлось вынужденнымъ постановить для звѣролововъ извѣстныя правила, позволяющія имъ ходить на ловъ звѣрей только въ опредѣленное время, когда звѣрь уже размножился и значительно подросъ. Подобное правило, и по одинаковой причинѣ, постановлено и относительно дичи, водящейся въ Европей-

ской Россіи. Нѣкогда во многихъ густыхъ лѣсахъ Европы и Россіи водилось красивѣйшее животное изъ породы быковъ, *зубръ*, который нынѣ извѣстенъ только въ Бѣловѣжской пущѣ Гродненской губерніи, и, какъ догадываются, на сѣверномъ склонѣ Эльборуса, на Кавказѣ; но и тутъ онъ весьма замѣтно вымираетъ, не смотря на то, что онъ находится подъ бдительнымъ попеченіемъ правительства; что его снабжаютъ круглый годъ пищею въ достаточномъ количествѣ, и что строго воспрещено охотиться за нимъ. До нашествія Французовъ на Россію, считали приблизительно 1000 зубровъ; нынѣ считаютъ не болѣе 700 головъ.

Въ подмосковныхъ селахъ Измайловъ и Ростокинъ старожилы указываютъ доселѣ на большія луговины, гдѣ производили, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, *бобровые гоны*; разныя части Сокольничей рощи и понынѣ сохранили

названіе лосиннаго погоннаго острова , оленьей роуи ; кости этихъ животныхъ находятъ и въ наше время разсыянными въ разныхъ уѣздахъ нашей губерніи. Все это свидѣтельствуеъ несомнѣнно о присутствіи нѣкогда въ Московской губерніи такихъ животныхъ , о которыхъ нынѣ говорятъ какъ о животныхъ, живущихъ въ значительномъ разстояніи отъ столицы.

Животныя , встрѣчаемыя въ наше время подъ Москвою , водились у насъ также прежде , но гораздо въ бѣльшемъ количествѣ. Нынѣ даже медвѣдь попадаетъ не ближе , какъ въ верстахъ тридцати отъ Москвы , и то въ двухъ или трехъ уѣздахъ , въ которыхъ сохранились еще лѣса. Всѣ подмосковные охотники жалуются на весьма быстрое уменьшеніе лѣсной и полевой дичи. По свидѣтельству историковъ, во время царствованія Алексѣя Михайловича, пѣвчія пташки разнаго рода были

подъ Москвою такъ же обыкновенны и водились въ такомъ же множествѣ, какъ комары, которые въ свою очередь значительно убавились вмѣстѣ съ изсушеніемъ болотъ и стоячихъ водъ.

Не трудно найти главную причину быстрого уменьшенія животныхъ подъ Москвою. Гдѣ разъ поселился человѣкъ, тамъ онъ, для удовлетворенія разныхъ потребностей и прихотей своихъ, вырубаетъ лѣса, высушаетъ болота, заваливаетъ пруды и источники, и тѣмъ самымъ отнимаетъ у разныхъ лѣсныхъ и водяныхъ животныхъ какъ возможность укрываться, такъ и возможность находить себѣ достаточную пищу. Съ другой же стороны, съ уменьшеніемъ лѣсовъ и водъ, климатъ становится болѣе теплымъ и сухимъ, и открывается дѣйствию вѣтровъ. Измѣненіе же климата, дѣйствуя непріятно на животныхъ, изгоняетъ ихъ изъ занимаемой ими страны. Москва и ея окрестности, въ ко-

торыхъ такъ быстро нарастаетъ народонаселеніе въ послѣдніе десятки лѣтъ, необходимо прѣтерпѣваетъ и чувствительную перемѣну въ климатическихъ условіяхъ.

VII. Наконецъ, есть животныя, которыя нынѣ совершенно исчезли на нашей землѣ. Они жили на ней до появленія всѣхъ нынѣшнихъ животныхъ, окружающихъ человѣка, и извѣстны только по разнымъ остаткамъ, находимымъ въ слояхъ земнаго шара. Это животныя *первозданныя*, называемыя иногда *ископаемыми*, и совершенно неправильно-допотопными.

Если разрѣзать мысленно землю, отъ поверхности по направленію къ центру, на столько, на сколько человѣкъ знаетъ составъ наружной коры ея (*),

(*) Этотъ составъ изслѣдовали при рудокопныхъ работахъ, при рытіи артезіанскихъ колодцевъ, въ естественныхъ обнаженіяхъ на горахъ, обрывахъ большихъ рѣкъ и пр.

то насъ невольно поражаютъ два явленія. Во-первыхъ, слои, ближайшіе къ центру земли, то-есть болѣе глубоко лежащіе, не содержатъ въ себѣ, по наблюденіямъ, произведеннымъ на различныхъ точкахъ земли и въ различныхъ частяхъ свѣта, ни малѣйшаго слѣда остатковъ растеній или животныхъ. Во-вторыхъ, въ толщахъ земли, лежащихъ между упомянутыми древнѣйшими слоями и самымъ наружнымъ *пахатнымъ* слоемъ, въ которыхъ укореняются почти всѣ нынѣ живущія растенія, встрѣчаются различные остатки растеній и животныхъ, отличныхъ отъ нынѣшнихъ; причемъ остатки сихъ послѣднихъ и самаго человѣка никогда не были найдены вмѣстѣ съ первыми (т. е. первозданными) въ подпахатныхъ слояхъ; — и на оборотъ, первозданные животные никогда не были находимы въ слояхъ пахатныхъ; никогда не находили въ одномъ и томъ же слое

первозданныхъ животныхъ вмѣстѣ съ остатками нынѣ живущихъ и самаго человека.

Изъ сихъ наблюденій, произведенныхъ со всевозможною точностію, необходимо слѣдуетъ заключить, что въ существованіи нашей планеты было время, когда на ней не было ни одного растенія и животнаго, ни самаго человека. Въ этотъ періодъ образовались глубочайшіе и слѣдовательно древнѣйшіе слои земли, лишенные, совершенно остатковъ живыхъ существъ. Потомъ явились на землѣ многія первозданныя растенія и животныя, отличныя отъ нынѣшнихъ, и въ это же время образовались или осли верхніе слои; наконецъ, по вымирانیи первозданныхъ существъ, показались нынѣшнія растенія и животныя, а вмѣстѣ съ ними встрѣчаются остатки и рода человеческого.

Замѣтимъ также, что животныя первозданныя размѣщены въ толщахъ

земли не случайно, не беспорядочно, напротивъ, каждому слою земли принадлежать исключительно ему свойственныя животныя и растенія, а въ общемъ размѣщеніи ихъ замѣчается строгая послѣдовательность. Въ слояхъ древнѣйшихъ, то-есть глубочайшихъ, встрѣчаются животныя *морскія*; потомъ, въ слояхъ болѣе поверхностныхъ — *прибрежныя*, далѣе — *рѣчныя* и наконецъ — животныя, *на суши жившія* — сперва находятъ рыбы, ящерицы, полипы, раковины и т. д., жившихъ въ открытомъ морѣ, потомъ — рыбы и раковины рѣчныя, и, приближаясь къ поверхности земли, встрѣчаютъ животныхъ четвероногихъ и человѣка. Отсюда заключаемъ, что было время, когда земля отовсюду была покрыта моремъ и только медленно обсыхала, отчего постепенно образовались острова, рѣки и самая сушь. Другое, весьма важное обстоятельство въ распредѣленіи первозданныхъ живот-

ныхъ по земнымъ толщамъ, есть то, что въ древнѣйшихъ слояхъ находятся такія, которыя подходятъ всего болѣе къ животнымъ тропическихъ странъ нашего времени; приближаясь же къ поверхности, встрѣчаютъ болѣе животныхъ, близкихъ къ живущимъ нынѣ въ умѣренной полость. Въ этомъ отношеніи встрѣчаемъ то же измѣненіе въ формахъ животныхъ, какое замѣчаетъ путешественникъ, ѣдущій отъ экватора къ полюсамъ. Если искать въ нынѣшнихъ животныхъ ближайшую форму къ животному ископаемому, взятому изъ глубокаго слоя подъ Москвою, напр. изъ извести, которую ломаютъ въ Мячковъ (*), то мы найдемъ, что наибольшее сходство представляютъ животныя Тихаго океана и Чермнаго моря. Животныя же, взятые изъ ближайшаго къ земной поверхности слоя, напр. изъ извести, лежащей на рѣкѣ Можжинкѣ,

(*) Село по Бронницкой дорогѣ, верстахъ въ 25 отъ столицы.

подъ Звенигородомъ, имѣютъ чрезвычайное сходство съ тѣми, которыя и нынѣ живутъ во всей средней Европѣ и около самой Москвы. Изъ сихъ наблюденій заключаютъ, что нѣкогда по землѣ была разлита гораздо высшая температура, нежели нынѣ; что планета наша, постепенно охлаждаясь, наконецъ вступила въ нынѣшнія условія температуры и климата. Съ другой стороны, не подвержено сомнѣнію, что, въ центрѣ планеты нашей, температура гораздо возвышеннѣе, нежели на поверхности ея; вещества, въ центрѣ ея лежащія, находятся, можетъ быть, въ текучемъ состояніи или по крайней мѣрѣ въ разкаленіи. Только этимъ предположеніемъ можно пояснить себѣ изверженіе пламени и разкаляемыхъ текучихъ веществъ огнедышущими горами, истеканіе горячихъ источниковъ изъ нѣдръ земли, и пр.

Наконецъ, замѣтимъ еще третіе, очень важное явленіе. Въ низшихъ, или глу-

бочайшихъ слояхъ земныхъ не находятъ никакого различія въ животныхъ и растеніяхъ по частямъ свѣта или по географическому положенію мѣстности: и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и въ Азіи находятъ однѣхъ и тѣхъ же животныхъ въ одинаково глубокихъ слояхъ, что указываетъ ясно на то обстоятельство, что при жизни этихъ животныхъ не было различія въ климатахъ на землѣ, а напротивъ, одинаковыя физическія и климатическія условія распределены были по всему земному шару. Различіе же въ климатахъ начало устанавливаться только во время жизни животныхъ и растеній верхнихъ слоевъ: только въ болѣе поверхностныхъ толщахъ замѣчается нѣкоторое отлічіе въ животныхъ и растеніяхъ, соотвѣтственно географическому и физическому положенію страны, подобное тому, какое находятъ въ размѣщеніи въ настоящее время животныхъ по землѣ соотвѣтственно различію климатовъ.

Сказанное здѣсь, относительно первозданныхъ животныхъ вообще, частію подтверждается и на ископаемыхъ животныхъ, находимыхъ въ большомъ количествѣ въ Московской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. За отсутствіемъ рудокопныхъ работъ и по мелкости рѣкъ, въ нашей губерніи нѣтъ значительныхъ обнаженій, большихъ разрывовъ коры земной, и потому мы можемъ только гадательно судить о глубочайшихъ слояхъ земныхъ, лежащихъ подъ Москвою. Самый глубокий слой, обнаженный близъ столицы, есть известковая толща, которая обнаружена на берегу Москвы рѣки подъ селомъ Мячковымъ, и которая доставляетъ весь бѣлый камень, всю известъ и бутъ, употребляемый въ нашей столицѣ при постройкахъ и мощеніи тротуаровъ. Въ этой извести находятся въ большомъ количествѣ раковины и полипники, которымъ подобные не находятся во всей Европѣ. Ближай-

шія къ нимъ нынѣшнія существа живутъ въ странахъ тропическихъ , въ Тихомъ океанѣ и Красномъ морѣ. Въ черной же почвѣ , которая такъ часто видна на берегу Москвы рѣки (на Воробьевыхъ горахъ , подъ Шелепихою и особенно подъ селомъ Хорошовымъ) и лежитъ на указанномъ выше известковомъ слоѣ (что можно видѣть подъ Драгомиловскимъ кладбищемъ на берегу Москвы рѣки, и подъ селомъ Повшиномъ , близъ Архангельска, также подъ самымъ Мячковымъ,) попадаются уже животныя умеренныхъ странъ и притомъ часто прибрежныя. Подобныя имъ существа живутъ и въ наше время по берегамъ Средиземнаго и Атлантическаго морей. Наконецъ, въ сѣровато-желтоватой глинѣ, подъ Троицкимъ селомъ, противъ Щукиной деревни , встрѣчаются почти тѣ же ископаемыя рѣчныя рыбы , которыя и въ наше время живутъ въ нашихъ водахъ. Наконецъ, въ разсыпчатомъ

пескъ , покрывающемъ почти всю поверхность нашей губерніи, находятъ ископаемыхъ слоновъ, мамонтовъ, носороговъ, лошадей и вообще животныхъ, на суши живущихъ. Въ извести, лежащей подъ самымъ пахатымъ слоемъ, на рѣкахъ Можжикѣ и Жерновкѣ, при самомъ ихъ впаденіи въ Москву рѣку, подъ Звенигородомъ, находятся, въ чрезвычайномъ количествѣ, тѣ же раковины, которыя въ наше время еще водятся во всей средней Россіи и Европѣ, и въ самой Московской Губерніи.

Мы весьма мало знаемъ положительнаго о причинахъ , которыя истребили первозданныхъ животныхъ. Вѣроятно всего, что онѣ подлежали одной участи съ животными , на памяти человека выраждающимися , то-есть , что и тѣ и другія вымерли вслѣдствіе измѣненія климата или вообще наружныхъ физическихъ условій. Но не подвержено сомнѣнію , что не общій потопъ

истребилъ ископаемыхъ животныхъ ; противъ такого мнѣнія говорить Священное писаніе, передавшее намъ, что отъ всѣхъ допотопныхъ животныхъ сохранилось по парѣ; то же подтверждаютъ и свидѣтельства науки. Ископаемая животныя погибли не отъ общаго потопа уже и потому, что до него обитали на землѣ и нынѣшнія животныя, и самый человѣкъ, а между тѣмъ мы ихъ никогда не находимъ вмѣстѣ съ ископаемыми существами. Вотъ почему названіе животныхъ допотопныхъ (*animaux antidiluvians*) не прилично для первозданныхъ животныхъ.

Впрочемъ, объ этомъ любопытномъ предметѣ мы поговоримъ когда-нибудь въ особой статьѣ.

Профессоръ К. Рулье.

ОУКИДИДЪ.

Фукидидъ, знаменитый Греческій историкъ, современникъ Перикла, родился въ Аѣнахъ, за 471 годъ до Р. Х., или за сорокъ лѣтъ до начала Пелопонезской войны. Онъ былъ сынъ Олора, потомка славнаго Мильтіада, и Гегезипилы, дочери Фракійскаго царя Олора.

Объ его воспитаніи почти ничего неизвѣстно. Учителемъ его въ краснорѣчіи былъ ораторъ Антифонъ, а въ философіи и политикѣ — вѣроятно философъ Анаксагоръ. Безсмертное твореніе

Ѣукидида свидѣтельствуеть , что онъ принималъ дѣятельное участіе въ совершавшемся тогда значительномъ развитіи философіи , политики и съ ними въ то время нераздѣльнаго краснорѣчія. Сомнителенъ разсказъ , будто бы онъ , на 15 году своего возраста , слушая Геродота на Олимпійскихъ играхъ , какъ тотъ читалъ свою исторію , плакалъ отъ восторга и тогда уже рѣшилсѣ иди по его слѣдамъ , т. е. сдѣлаться историкомъ: объ этомъ не упоминаеть ни одинъ изъ древнихъ писателей.

На прочія обстоятельства жизни Ѣукидида дошли до насъ самыя скудныя указанія. Въ осьмой годъ Пелопонезской войны (въ 423 году до Р. Х.) , онъ былъ изгнанъ своими согражданами изъ отечества за то , что , предводительствуя небольшою Аѣинскою эскадрою въ Эгейскомъ морѣ , хотя и спасъ городъ Элѣонъ , но не могъ взять Амфиполиса , занятаго Спартанцами. Двадцать лѣтъ

провелъ онѢ въ изгнаніи, проживая большею частію во ѢракійскомѢ городѢ Скапте — Гиле; тамѢ владѢлъ онѢ значительными золотыми рудниками, доставшимися ему по наслѢдству отѢ жены. По окончаніи Пелопонезской войны, дозволено ему было возвратиться въ АѢины. Одно преданіе говоритъ, что онѢ умерѢ насильственною смертію, прежде нежели успѢлъ возвратиться въ АѢины. КакѢ бы то ни было, онѢ не успѢлъ окончить своего сочиненія. Последніе шесть лѢтъ Пелопонезской войны, продолжавшейся всего 27 лѢтъ, описаны не ѢукидидомѢ, а его продолжателемѢ — КсенофонтомѢ.

ВѢ самомѢ началѢ своей исторіи Пелопонезской войны, ѢукидидѢ говоритъ, что мысль, описать ее, возбуждена была ея особенною важностію; что онѢ началъ свое сочиненіе тотчасъ послѢ того, какѢ возгорѢлась война, предвидя, что она будетѢ достопамятнѢе изѢ всѢхъ

войнѡ, веденныхъ Греками ; онѡ выводилъ это заключеніе изъ того, что оба сильнѡйшія Греческія государства, Спарта и Аѡины, вступивъ между собою въ борьбу, развили въ ней всѡ свои силы и заставили принять въ этой войнѡ участіе всѡ прочіе Греческіе народы, которые должны были пристать къ одной изъ воющихъ сторонѡ.

Задумавши написать исторію Пелопонезской войны , Ѡукидидѡ , ничѡмъ другимъ незанятый въ изгнаніи , приступилъ къ собранію матеріаловъ , что сопряжено было съ огромнѡйшими трудностями и издержками. Для выполненія своего намѡренія , Ѡукидидѡ пожертвовалъ значительною частію своего имущества ; съ этою же цѡлію онѡ часто бесѡдовалъ съ членами правительства , полководцами , воинами ; наконецъ , онѡ самъ былъ очевидцемъ большей части описываемыхъ имъ событій.

Его сочиненіе—Описаніе войны между

Пелопонезцами и Аѡпьянами — раздѣлено на 8 книгъ, изъ которыхъ первыя семь обработаны окончательно. Ѣукидидѣ представилъ въ своемъ сочиненіи такой образецъ историческаго слога, который, въ своемъ родѣ, не нашелъ себѣ равнаго. Онъ писалъ на Аѡинскомъ діалектѣ, отъ котораго, потомъ, ни одинъ историкъ древней Эллады отступать не отваживался: ибо его твореніе считалось совершеннѣйшимъ образцомъ аѡтицизма въ историческомъ родѣ.

Римскій реторъ Квинтилианъ, сравнивая его слогъ со слогомъ Геродотовымъ, говоритъ: «Ѣукидидѣ сжать, кратокъ и всегда напряженъ; Геродотъ пріятенъ, свѣтелъ и обиленъ; тотъ лучше въ бурныхъ движеніяхъ души, этотъ — въ тихихъ; тотъ въ рѣчахъ, этотъ — въ бесѣдахъ; у того сила, у этого нѣга.» Знаменитые Римскіе историки Саллустій и Тацитъ взяли Ѣукидида за образецъ и подражали ему, каждый, впрочемъ,

различно: Тацитъ усвоилъ себѣ его краткость, сжатость и глубину; Саллустій старался подражать ему въ оборотахъ рѣчи и даже въ мысляхъ. Изъ древнихъ историковъ одинъ только Діонисій Галикарнасскій не умѣлъ оцѣнить Оукидида, находя его слогъ то хаотическимъ, то изысканнымъ, то жесткимъ, даже дѣтскимъ, холоднымъ, темнымъ и загадочнымъ. Лучшіе новые филологи признали единогласно, что Оукидидъ особенно отличается сжатою краткостію, исполненною глубины мысли, живостію и точностію въ подробностяхъ разсказа, ясностію и отчетливостію въ изложеніи причинъ войны и описаніи современнаго политическаго и общественнаго быта Греціи. Смѣло можно сказать, что мы теперь ни объ одномъ періодѣ древней исторіи не имѣемъ такого основательнаго и живаго представленія, какъ о періодѣ, описанномъ Оукидидомъ. Достоверность извѣстій и безпристраст-

ное обсужденіе личностей и событій суть великія достоинства нашего историка. Преимущественно обращалъ онъ вниманіе на истину и простоту повѣствованія, которое у него свободно отъ всѣхъ баснословныхъ прикрасъ. «Мой-разсказъ — говоритъ самъ Ѣукидидъ — пребудетъ достояніемъ всѣхъ временъ, а не блестящею рѣчью, минутно-поражающею слухъ.»

Изъ Ѣукидидовыхъ разсказовъ всего извѣстнѣе описаніе моровой язвы, бывшей въ Аѣинахъ въ 429 году предъ Р. Х., отъ которой погибъ и самъ Периклъ. Въ описаніи моровой язвы подражали Ѣукидиду изъ древнихъ — славные Римскіе поэты Лукрецій и Виргилій, а изъ новыхъ — знаменитый Италіанскій писатель Боккачіо. Извѣстный художникъ Пуссенъ изобразилъ эту язву, во всемъ ея ужасъ, на картинѣ.

Кромѣ разсказовъ, Ѣукидидъ употребляетъ еще, для живаго изображенія

современности, рѣчи , которыя онѣ вла-
гаетъ въ уста народнымъ правителямъ,
посламъ и проч. Обѣ этихъ рѣчахъ самъ
ѢукидидѢ говоритъ такъ: «Что касает-
ся до рѣчей , которыя , то предѣ нача-
ломъ , то въ продолженіе войны , были
произнесены, трудно изъ нихъ было у-
держать въ памяти всѣ слова , трудно,
какъ для меня изъ того, что я слышалъ,
такъ и для другихъ, пересказавшихъ мнѣ
эти рѣчи. Я ихъ передалъ такъ, какъ я
думалъ , что приличнѣе было каждому
произнести ихъ, держась , сколько воз-
можно ближе , общаго смысла подлин-
ныхъ рѣчей.» Всѣхъ замѣчательнѣе изъ
такихъ рѣчей та , которую произнесъ
Периклъ при погребеніи Аѣинскихъ
воиновъ, падшихъ въ первомъ сраженіи.
Это одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ остат-
ковъ древней классической литературы.
Ее-то мы здѣсь представляемъ въ пе-
реводѣ, предпославъ Ѣукидидовъ же раз-
сказъ о торжественномъ погребеніи пад-

шихъ за отечество воиновъ. За сею слѣдуетъ переводъ упомянутаго описанія моровой язвы.

І. Надгробная рѣчь Перикла.

Въ ту же зиму (т. е. въ первый годъ войны Пелопонезской, за 431 годъ до Р. Х.), Аѳиняне устроили, по обычаю предковъ, общенародное торжественное погребеніе воиновъ, которые первыми пали въ эту войну, такимъ образомъ. За три дня до погребенія выставляютъ тѣла; каждый, по желанію, приносить дары своимъ покойникамъ. Во время погребальнаго шествія, везутъ на колесницахъ кипарисные гробы; для каждаго колѣна (на колѣна раздѣлялся народъ Аѳинскій) былъ свой особый гробъ; для тѣхъ, которыхъ тѣла не были найдены, еще особый пустой гробъ, увѣшанный покрывалами. Каждый гражданинъ и иностранецъ могъ принять

участіе въ шествіи. Женщины, близкія усопшимъ, присоединялись также къ шествію, испуская вопли. Такъ тѣла привозятъ на общественное кладбище, лежащее въ красивѣйшемъ предмѣстіи города. Тамъ всегда погребаются убитые на войнѣ, исключая воиновъ, падшихъ при Марафонѣ, которые погребены на самомъ полѣ сраженія, ибо ихъ доблесть отлична (она сама по себѣ такъ славна, что не нуждалась въ почетномъ мѣстѣ для погребенія). По окончаніи погребенія, избранный городомъ гражданинъ, извѣстный своимъ умомъ и почтенный предъ всѣми, произноситъ приличное похвальное слово усопшимъ. Наконецъ, всѣ расходятся. Вотъ въ чемъ состоитъ это погребеніе. Во все продолженіе войны, какъ только представлялся случай, соблюдался этотъ обычай. Теперь произнести рѣчь надъ воинами, которые первыми пали въ эту войну, досталось по выбору Периклу, сыну Ксантиппа.

Когда наступило назначенное время, онъ взошелъ на возвышеніе, для того нарочно уготованное, чтобъ его слова могли быть какъ можно далѣе слышны всему собранію, и сказалъ слѣдующее :

Многіе ораторы, произносившіе рѣчи прежде меня съ этого мѣста, восхваляли законодателя, присоединившаго къ древнему закону погребенія другой, — предписывающій говорить похвальное слово усопшимъ. Они почитали прекраснымъ этотъ обычай воздавать все-народно похвалы воинамъ, падшимъ за отечество. Я бы сказалъ, что доблестные мужи, отличившіеся своими дѣлами, дѣлами и должны быть почтены (какъ вы теперь и видите въ этомъ торжественномъ, всенародно-уготованномъ погребеніи), и что не прилично доблесть многихъ предавать на произволъ случайному успѣху краснорѣчія одного человека. Трудно говорить хорошо тамъ, гдѣ едва существуетъ какое-нибудь проч-

ное мнѣніе объ истинѣ того, что говорятъ: ибо знающій и благонамѣренный слушатель найдетъ, можетъ быть, похвалу оратора недостаточною, въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ желалъ бы слышать и что онъ самъ знаетъ, а другой, которому происшествія не извѣстны, по врожденной человѣку зависти, найдетъ преувеличеннымъ все то, что превышаетъ мѣру его способностей. Мы слушаемъ терпѣливо похвалы, приносимыя другимъ, только до тѣхъ поръ, пока сами считаемъ себя способными сдѣлать что-нибудь подобное; а слыша похвалы за то, что превышаетъ наши силы, мы завидуемъ и не вѣримъ. Но такъ какъ предки наши нашли приличнымъ установить подобныя рѣчи, то и я долженъ, послѣдуя законамъ, стараться удовлетворить желанію и мнѣнію каждаго изъ васъ.

Начну, прежде всего, съ нашихъ предковъ. Въ эту торжественную минуту

справедливо и прилично воздать имъ эту честь воспоминанія. Люди одного племени всегда населяли эту страну, и это племя, своими доблестями, передало потомкамъ наше отечество свободнымъ, какъ оно теперь есть. Отцы наши еще болѣе заслуживаютъ похвалъ, ибо они, къ наслѣдію предковъ, прибавили то могущество, которымъ мы нынѣ пользуемся, и передали намъ его не безъ великихъ трудовъ. Но мы сами, — мы, настоящее поколѣніе, достигшее зрѣлаго возраста, мы наиболѣе возвеличили наше отечество: мы содѣлали наше государство значительнымъ, сильнымъ въ войнѣ и въ мирѣ. Я умолчу о подвигахъ, которыми пріобрѣтены различныя части нашего владычества; не стану говорить о нашествіяхъ Грековъ и варваровъ, доблестью отраженныхъ нами или отцами нашими: я не хочу останавливать вашего вниманія на предметахъ, давно уже вамъ извѣстныхъ.

Но какимъ образомъ мы достигли такого могущества ; какія государственныя постановленія , какіе нравы общественныя дали такое величіе нашей республикѣ ?—вотъ что я намѣренъ показать вамъ , прежде нежели перейду къ похваламъ усопшихъ воиновъ : я увѣренъ , что эти подробности не будутъ теперь неумѣстны ; что слышать ихъ будетъ весьма полезно для этого многочисленнаго собранія гражданъ нашихъ и гостей иностранныхъ.

Государственное наше устройство не имѣетъ нужды завидовать законамъ нашихъ сосѣдей , и мы не только другимъ не подражаемъ , но сами , напротивъ , служимъ образцами для нѣкоторыхъ . Оно называется демократіею , потому что не нѣкоторые только граждане , но большая часть народа участвуетъ въ управленіи государствомъ . Граждане , въ частныхъ отношеніяхъ своихъ , всѣ равны предъ закономъ . Уваженіе воздается

только человѣку по степени его достоинства, а почести раздаются не роду и богатству, а одной доблести гражданской. Бѣдность и темное происхожденіе не останавливаютъ никого, когда онъ чувствуетъ себя способнымъ оказать услугу отечеству. Мы свободно разбираемъ государственныя дѣла, и, въ ежедневной частной жизни, мы не преслѣдуемъ нашихъ согражданъ мелкими подозрѣніями; мы не вѣняемъ никому въ преступленіе, если кто живетъ по своему; мы не наносимъ нашимъ согражданамъ оскорбленій, которыя хотя и были бы сами по себѣ безвредны, но могутъ раздражить тонкое чувство. Хотя въ нашей частной жизни нѣтъ ничего тягостнаго и суроваго, но въ общественныхъ дѣлахъ мы чувствуемъ какой-то благоговѣйный страхъ нарушить постановленіе государства; мы всегда повинемся существующимъ властямъ и законамъ, особенно тѣмъ, кото-

рые даны на защиту угнетаемыхъ , и тѣмъ неписаннымъ законамъ , которые , по тайному всеобщему согласію , составляютъ предметъ благоговѣнія народовъ.

Наши игры и годовичные праздники , и благолѣпіе нашей частной жизни доставляютъ нашему духу разнообразное отдохновеніе отъ трудовъ его ; каждый день имѣетъ свои удовольствія , отгоняющія печали. По обширности владѣній нашего государства , въ него стекается все изъ всѣхъ частей земли , и мы съ такимъ же удобствомъ пользуемся произведеніями чужихъ странъ , какъ и своими собственными.

И въ отношеніи къ военному устройству мы отличаемся отъ нашихъ непріятелей. Нашъ городъ открытъ для всѣхъ ; мы не изгоняемъ иностранцевъ ; мы не лишаемъ ихъ права пользоваться нашими полезными учрежденіями , на-

шими зрѣлищами ; у насъ нѣтъ ничего скрытаго : все могутъ видѣть, всѣмъ могутъ воспользоваться наши непріатели. Мы надѣемся не на военные снаряды и хитрости, мы полагаемся на собственную личную доблесть. Непріатели наши съ самаго дѣтства приучаются къ военному мужеству многотрудными упражненіями ; мы, живя свободнѣе, съ неменьшею отвагою идемъ на встрѣчу тѣмъ же самымъ опасностямъ. И вотъ доказательство : Лакедемоняне никогда не идутъ войною на нашу землю одни, но всегда соединяясь со всѣми ихъ союзниками ; а мы, нападая на сосѣднія страны, безъ труда одерживаемъ побѣду въ чужой странѣ и надъ людьми, сражающимися за свою собственность. Еще никому изъ непріателей не случилось бороться со всею массою военныхъ нашихъ силъ, потому что онѣ раздроблены, потому что, въ одно и то же время, мы должны забо-

таться и о флотъ, и отправлять сухопутные отряды въ разныя страны нашего владычества. Непріатели, встрѣтившись съ какимъ нибудь отрядомъ нашимъ и одержавъ побѣду, хвалятся, что всѣхъ насъ отразили, будучи же побѣждены, говорятъ, что потерпѣли пораженіе отъ совокупныхъ нашихъ силъ. Если мы обыкновенно отваживаемся на опасныя — предпріятія легкомысленно, безъ предварительныхъ многотрудныхъ упражненій, и не столько изъ повиновенія законамъ, сколько по влеченію собственной доблести, — мы имѣемъ ту выгоду, что не страдаемъ заблаговременно отъ предстоящихъ бѣдствій; а когда онѣ наступятъ, являемся не менѣе отважными тѣхъ, которые безпрестанно трудятся для ихъ избѣжанія.

Вотъ что дѣлаетъ наше государство достойнымъ удивленія какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Мы любимъ изящное, но сохраняемъ

умѣренность въ жизни; мы занимаемся науками, но онѣ не избѣживаютъ нашего духа. Мы имѣемъ богатства для того, чтобы пользоваться ими въ потребныхъ случаяхъ, а не для того, чтобы хвалиться ими. У насъ никому не стыдно признаться, что онѣ бѣденъ; стыдно только не трудиться для избѣжанія бѣдности. У насъ одни и тѣ же люди занимаются частными и общественными дѣлами, и даже самые ремесленники не чужды политическихъ свѣдѣній. Человѣкъ, не принимающаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, мы не называемъ только безпечнымъ человѣкомъ, удаляющимся отъ дѣлъ, — нѣтъ, мы считаемъ его бесполезнымъ, даже вреднымъ гражданиномъ. Мы судимъ справедливо о дѣлахъ или по крайней мѣрѣ руководствуемся вѣрнымъ тактомъ. Мы не думаемъ, чтобы рѣчи могли остановить ходъ государственныхъ дѣлъ; напротивъ, считаемъ весьма пагубнымъ пред-

принимать какое-либо дѣло, пока оно не рассмотрѣно въ рѣчахъ нѣсколькихъ ораторовъ. Вотъ еще особенность нашего характера: мы отваживаемся на самыя смѣлыя предпріятія и въ то же время можемъ отдать строгій разумный отчетъ въ томъ, что предпринимаетъ, между тѣмъ какъ незнаніе дѣлаетъ другіе народы безумно-отважными, а хладнокровное разсужденіе—недѣтельными. Тотъ, по справедливости, можетъ назваться доблестнымъ мужемъ, кто, имѣя ясное сознаніе о томъ, что онъ дѣлаетъ, имѣя выборъ между ужасами войны и удовольствіями мирной жизни, тѣмъ не менѣе добровольно подвергается опасности. Даже въ нашихъ добродѣтеляхъ мы отличаемся отъ прочихъ. Мы пріобрѣтаемъ себѣ друзей, не получая, а сами для другихъ расточая благодѣянія. Дружба благодѣтеля всегда прочнѣе: онъ охотно желаетъ сохранить привязанность, должную ему

за полученное благодѣяніе; напротивъ, тотъ, кого онъ обязалъ, испытываетъ чувство болѣе холодное, зная, что онъ самъ не обязываетъ вновь, а только платитъ старый долгъ. Мы одни изливаемъ благодѣянія на друзей не по корыстнымъ расчетамъ, а по великодушному довѣрію, свойственному свободнымъ людямъ.

Однимъ словомъ, вся наша жизнь есть школа для Греціи. Я могу сказать, что у насъ каждый гражданинъ одаренъ какою-то счастливою гибкостью характера, неразлучною съ граціями, которая дѣлаетъ его способнымъ къ разнообразнѣйшимъ занятіямъ. И что это не есть только наборъ блестящихъ словъ, а истина самыхъ фактовъ, тому служить доказательствомъ самое могущество республики, котораго мы достигли такими доблестными качествами. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ республикъ, наша одна является въ подвигахъ своихъ вы-

ше своей славы. Непріятели, нападающіе на нее, претерпѣвъ пораженіе, не могутъ негодовать, потому что пострадали отъ доблестныхъ мужей, а подвластные народы не могутъ пожаловаться, что имѣютъ властителей, недостойныхъ повелѣвать ими. Представляя свѣту могущество, пріобрѣтенное не во мракъ неизвѣстности, но блестящее великими знаменіями нашей доблести, мы будемъ предметомъ удивленія для настоящихъ и грядущихъ поколѣній. Для похвалъ нашихъ намъ не нуженъ ни Гомеръ, ни другой какой писатель: онъ на минуту польститъ нашему духу, а потомъ, вымышленные имъ подвиги потемнѣютъ предъ истиною самыхъ событій. Мы принудили море и землю открыть свободный путь нашему мужеству, и повсюду мы поставили вѣчные памятники золъ, нанесенныхъ врагамъ нашимъ, и благъ, разсыпанныхъ щедрою рукою на друзей нашихъ.

Таково , граждане , это славное отечество, за которое наши воины приняли доблестную смерть ; таково это отечество, за которое и каждый изъ насъ , еще живущихъ , долженъ охотно страдать и умереть.

Я для того распространился въ похвалахъ нашей республикѣ , чтобы показать, какъ не равна битва между нами и непріятелями нашими, которые не обладаютъ , въ равной съ нами степени, нашими отличительными достоинствами, и чтобы похвалу этихъ умершихъ гражданъ подкрѣпить явными доказательствами. Большая часть моего похвального слова уже произнесена, ибо говорить о славѣ нашей республики , не значитъ ли говорить о доблестяхъ этихъ мужей и всѣхъ имъ подобныхъ , которымъ отечество обязано благоденствіемъ своимъ? Мало найдется Грековъ, подобныхъ имъ , которыхъ бы подвиги стояли наравнѣ съ ихъ славою. Смерть об-

наружила вполне ихъ доблесть: она первая открыла ее свѣту, она же послѣдняя утвердила ее печатію безсмертія. Если бы даже они были, въ другихъ отношеніяхъ, менѣе достойны уваженія, то уже одно мужество въ войнѣ за отечество достаточно закрываетъ ихъ недостатки: они добромъ изгладили зло и болѣе принесли общественной пользы, нежели частнаго вреда. Но изъ этихъ воиновъ никто не предпочелъ, избѣженный богатствами, наслажденія ими своей обязанности; никто не захотѣлъ избѣгать опасности, въ надеждѣ избавиться современемъ отъ бѣдности и обогатиться. Для нихъ вождельннѣе всѣхъ этихъ благъ было — отмстить врагу; изъ всѣхъ опасностей — эта была самая славная; съ этими опасностями они хотѣли и наказать врага и достигнуть желаемыхъ благъ. Они ввѣрили надеждѣ неизвѣстность будущаго успѣха, а въ предстоящихъ опасностяхъ довѣряли только са-

нимъ себѢ , своему непобѢдимому мужеству. СчитаѢ лучшимъ сражаться и умереть , нежели спасти жизнь , уступивъ врагу , они избѢжали позорной хулы согражданъ и сохранили честь цѢною жизни. Одинъ краткій мигъ рѢшилъ ихъ судьбу въ блестящую минуту ихъ славы.

Таковы были они для отечества. Пережившіе ихъ граждане могутъ желать себѢ болѢе спокойной жизни , но тѢмъ не менѢе да сохраняютъ отважный духъ предъ непріѢтелемъ , не только на словахъ , разсуждая о пользѢ отечества (предметъ довольно вамъ извѢстный , и о которомъ можно много говорить , исчисляѢ , какъ выгодно одолѢть непріѢтеля) , но и созерцая ежедневно , на самомъ дѢлѢ , могущество республики и воспламеняѢ къ ней любовь. И когда убѢдитесь въ еѢ величій , помните , что это могущество доставили мужи отважные , знающіе свои обязанности , никогда ,

среди ужасовъ битвъ, не забывшіе долга чести. Претерпѣвъ неудачу въ какомъ-либо предпріятіи, они не считали себя въ правъ лишить отечество своей доблести; они приносили себя самихъ, какъ драгоценную дань, на алтарь отечества. Всѣ они безразлично отдали себя на жертву, и каждый въ особенности стяжалъ никогда не дряхлѣющую славу и великолѣпную гробницу, не ту, въ которой они нынѣ покоятся, но другую, гдѣ слава ихъ вѣчно будетъ говорить воспоминанію, всякій разъ, когда потомки захотятъ помянуть ихъ словомъ и дѣломъ. Гробница славныхъ мужей есть цѣлая вселенная. Не однѣ надписи на столбахъ надгробныхъ, въ отечественной землѣ, говорятъ объ ихъ славѣ; нѣтъ, ихъ память живетъ даже въ чуждыхъ, отдаленнѣйшихъ странахъ; она хранится въ сердцахъ доблестныхъ людей лучше, нежели въ пышныхъ памятникахъ.

Вотъ кому завидуйте, вотъ кому старайтесь подражать, о граждане! знайте, что счастье только тамъ, гдѣ есть свобода, а свобода не разлучна съ мужествомъ, и, исполненные этого убѣжденія, идите смѣло на встрѣчу военнымъ опасностямъ. Не тѣ, которые ведутъ бѣдственную жизнь, безъ надежды на лучшую участь, должны подвергать жизнь опасности; но тѣ, которые должны опасаться переменъ счастья въ жизни и для которыхъ неудача можетъ имѣть важныя послѣдствія: ибо для человѣка съ душою гораздо тягостнѣе влечить недѣятельное и презрѣнное существованіе, нежели пасть отъ внезапной смерти, постигающей его среди подвиговъ мужества и всеобщей надежды отечества.

И потому я не стану оплакивать участи родителей, здѣсь присутствующихъ, а постараюсь только утѣшить ихъ. Они знаютъ, что мы рождены для

многообразныхъ бѣдствій жизни, и что счастливы тѣ, которые, подобно этимъ воинамъ, сподобились дѣсткой кончины и, послѣ безбѣдной жизни, умерли славною смертію. Знаю, что трудно убѣдить въ этомъ васъ, которые въ счастіи другихъ, въ счастіи, которымъ вы сами наслаждались, найдете источникъ горестныхъ воспоминаній: ибо горестъ состоитъ не въ отсутствіи благъ, которыхъ мы никогда не испытали, но въ лишеніи тѣхъ, къ которымъ мы привыкли.

Тѣ, которымъ дѣта позволяютъ еще имѣть дѣтей, да укрѣпляютъ свой духъ этою надеждою. Эти дѣти заставляютъ ихъ забыть о потерѣ первыхъ, а отечество получить двойную пользу: они восполняютъ промежутки его народонаселенія и послужать залогомъ его безопасности: ибо люди, не имѣющіе дѣтей, за которыхъ они должны подвергаться опасностямъ, не могутъ быть добрыми гражданами, защитниками пра-

восудіа въ отечествѢ. А вы, у которыхъ старость отнимаетъ эту надежду, благодарите судьбу за прошедшую вашу долгую, счастливую жизнь, считая ее уже важнымъ выигрышемъ. Знайте, что вамъ остается уже не долго страдать, и утѢшайте себя славою вашихъ падшихъ сыновъ. Одна любовь къ славѢ не знаетъ старости. Въ дряхлости величайшее наслажденіе не собирать богатства, какъ нѢкоторые думаютъ, а быть предметомъ уваженія.

ДѢти и братья падшихъ героевъ! Вамъ предстоитъ великая борьба. ВсѢ охотно хвалятъ умершихъ; при величайшихъ усиліяхъ добродѢтели, вы не достигнете, чтобы васъ считали равными симъ героямъ; довольно, если васъ поставятъ немногимъ ниже ихъ. Живые всегда имѢютъ соперниковъ, имъ завидуютъ; напротивъ, охотно воздаютъ должную честь достоинству, которое не можетъ быть преградою для состязателя.

Если должно сказать нѣсколько словъ о добродѣтели, приличной жинщинамъ, которыя теперь остаются вдовами, я въ немногихъ словахъ заключу всѣ мои совѣты. Исполняйте обязанности вашего пола, вотъ ваша слава, которая состоитъ въ томъ, чтобы всего менѣе говорили объ васъ мущины, ни въ хорошую ни въ дурную сторону.

Я высказалъ въ этой рѣчи, сообразно съ закономъ, все, что я считалъ для васъ полезнымъ, граждане! Знаменитые усопшіе пріали уже должную честь. Съ этого дня дѣти ихъ будутъ воспитываться на иждивеніе республики до зрѣлаго ихъ возраста. Вотъ вънецъ, который отечество даетъ имъ въ награду и предлагаетъ всѣмъ желающимъ за него подвизаться. Гдѣ гражданскія доблести удостоиваются величайшихъ наградъ, тамъ и лучшіе граждане обрѣтаются.

Теперь каждый, заплативши дань

своимъ усопшимъ, да отойдетъ въ домъ свой.

Такъ въ эту зиму происходило погребеніе, а когда зима прошла, кончился съ тѣмъ вмѣстѣ и первый годъ этой войны.

II. Моровая язва въ Аѳинахъ.

Съ наступленіемъ весны (за 430 лѣтъ до Р. Х.) Пелопонезцы и ихъ союзники, съ третію частію своего войска; вторгнулись опять въ Аттику. Ими предводительствовалъ Архидамъ, сынъ Зевксидама, царь Лакедемонскій. Утвердившись здѣсь, они опустошали страну. Едва только они пробыли въ Атикѣ нѣсколько дней, какъ начала впервые показываться между Аѳинянами болѣзнь, которая, какъ говорятъ, уже прежде обнаружилась во многихъ мѣстахъ, частію на Лемнось, частію въ другихъ мѣстахъ; не припомнятъ, впрочемъ, чтобы гдѣ-либо была такая свирѣпая болѣзнь и такая

смертность между людьми. Не могли подать помощи ни врачи, — лечившіе, не зная свойства болѣзни, и большею частію сами умиравшіе, тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше приходили въ соприкосновеніе съ больными, — ни другое какое человѣческое искусство. Сколько ни молились, принося жертву, сколько ни обращались къ оракуламъ и т. п., все было напрасно, такъ что, наконецъ, и и отъ этого отстали, побѣжденные бѣдствіями.

Болѣзнь прежде началась, какъ говорятъ, въ Еѳіопіи, по ту сторону Египта; потомъ, распространилась также по Египту, Ливіи и по большой части царскихъ (т. е. царя Персидскаго) владѣній; въ Аѳинскую же область она проникла внезапно и прежде всего поразила людей въ Пиреѣ, такъ, что они даже утверждали, будто бы Пелопонезцы бросили ядъ въ водохранилища (ибо

колодцевѢ тамѢ еще не было). Позже однако болѢзнь проникла и въ самый городѢ, и тогда смертность стала еще значительнѢе.

Пусть каждый, будь онѢ врачѢ или профанѢ, судить по своему о томѢ, отчего, по всей вѢроятности, возникла эта язва, и приводитѢ свои причины, которыми можно, по его мнѢнію, объяснить силу такого необычайнаго измѢненія въ состояніи здоровья. Я же, и самѢ испытавши на себѢ эту болѢзнь, и наблюдавши надѢ другими больными, расскажу только, въ чемѢ состояла эта болѢзнь, и означу тѢ признаки, по которымѢ, зная ихѢ напередѢ, лучше всего можно будетѢ распознать ее, если она снова когда появится.

ВсѢми признано, что въ этотѢ годѢ другими болѢзнями весьма мало страдали; если кто прежде имѢлъ какую болѢзнь, тотчасѢ она начинала переходить

въ эту язву. На прочихъ, безъ всякаго повода, вдругъ, при совершенномъ здоровьѣ, нападала сильная головная боль, и краснота и воспаленіе глазъ; внутренности же, — горло и языкъ, заплывали кровью и испускали необыкновенный и вонючій запахъ. Потомъ, оттуда развивались насморкъ и охриплость, и скоро болѣзнь падала на грудь, что сопровождалось сильнымъ кашлемъ; какъ скоро же болѣзнь поселялась въ желудкѣ, она всего его потрясала, и тогда начинались всѣ испражненія желчи, какія только извѣстны медикамъ, и притомъ съ жестокими болями. Также на большую часть больныхъ нападали потуги ко рвотѣ, которыя причиняли сильныя судороги; эти судороги у однихъ скоро переставали (съ тѣмъ вмѣстѣ какъ исчезали потуги ко рвотѣ), а у другихъ продолжались гораздо долѣе. Тѣло у больныхъ не было ни слишкомъ горячо на ощупь, ни блѣдно, напротивъ, кра-

сновато , свинцоваго цвѣта, и покрывалось сыпью и нарывами ; но внутренній жаръ такъ былъ силенъ , что больнымъ несносно было покрываться самыми тончайшими одеждами; имъ хотѣлось быть совсѣмъ нагими, а всего лучше броситься въ холодную воду. Многіе , за которыми не было присмотра , томимые ненасытимою жаждою , бросались , въ самомъ дѣлѣ , въ водохранилища , но все было равно, пить много или мало. Больные совсѣмъ не могли найти покоя и безпрестанно страдали бессонницей. Пока болѣзнь была въ полной силѣ , тѣло не худало, противостоя , сверхъ чаянія , страданію , такъ что большая часть на девятой или даже на седьмой день, еще не совсѣмъ обезсиленные, умирали отъ внутренняго жара; у большей же части прочихъ больныхъ болѣзнь падала на животъ ; въ немъ происходило гноеніе и въ то же время открывался сильный поносъ , отъ котораго , наконецъ , боль-

ные обезсиливали и умирали. Вообще болѣзнь, имѣя сѣдалище свое въ головѣ, проходила, начиная сверху, чрезъ все тѣло, и въ томъ, кто перенесъ самую большую уже опасность, поражала, по крайней мѣрѣ, окончности членовъ, и такимъ образомъ клала свой знакъ на больного; ибо она поражала окончности рукъ и ногъ, такъ что одни спасались отъ смерти, лишившись этихъ членовъ, другіе лишались и глазъ. Нѣкоторые, какъ только выздоравливали, вдругъ совсѣмъ лишались памяти, такъ что теряли самосознаніе и не узнавали близкихъ имъ людей.

Ужасна была эта болѣзнь, выше всякаго описанія: частію она поражала каждого съ большою силою, нежели какую можетъ вынести человѣческая природа, частію она представлялась и въ томъ отношеніи чѣмъ-то необыкновеннымъ, что птицы и четвероногія животныя, нападающія обыкновенно на че-

ловѣческіе трупы, или совсѣмъ не тро-
 гали многихъ непогребенныхъ тѣлъ, или,
 поѣвши, сами дохли. Это доказывается
 тѣмъ, что этого рода птицы пропали :
 ихъ совершенно не было видно ни при
 трупахъ и нигдѣ. Напротивъ, собаки, —
 потому что собака живетъ съ человѣ-
 комъ, — представляли болѣе случая для
 наблюденій.

Таково было вообще свойство этой
 болѣзни, не говоря о многихъ необычай-
 ностяхъ, и о томъ, что она въ каждомъ
 больномъ, въ сравненіи съ другимъ, пред-
 ставляла нѣкоторую особенность. Въ
 это время вообще не страдали обыкно-
 венными болѣзнями, а если гдѣ такая и
 показывалась, то оканчивалась моровою
 язвою. Иные умирали отъ неприсмотра,
 другіе — и при самомъ лучшемъ при-
 смотрѣ. Не было ни одного такого об-
 щаго лекарства, объ которомъ можно
 было бы сказать, что оно рѣшительно
 помогаетъ, ибо что одному было полез-

но, то другому вредно. Никакой тѢлесный организмъ, ни крѢпкій, ни слабый, не спленъ былъ противостоятъ этой болѢзни, напротивъ, она поражала всѢхъ безъ различія, даже и тѢхъ, которые держались всевозможной умѢренности въ жизни. УжаснѢе всего было въ этой болѢзни то; что каждый тотчасъ впадалъ въ уныніе, какъ скоро замѢчалъ, что онъ болѢнъ (ибо тотчасъ, предавшись отчаянію, больной пренебрегалъ самъ собою и не употреблялъ никакого усилія противостоятъ болѢзни), и что всѢ гибли, какъ овцы, заражаясь одинъ отъ другаго. Особенно отъ ухаживанія за больными увеличивалась смертность. Если удалялись другъ отъ друга, то больные умирали оттого, что не подавали имъ помощи; многіе дома опустѢли отъ недостатка въ присмотрѢ за больными; если же приходили въ соприкосновеніе съ больными, особенно если при этомъ оказывали от-

личное усердіе, то и тогда умирали. Многіе изъ великодушія забывали о себѣ и посѣщали больныхъ своихъ друзей, пока, наконецъ, даже ближайшіе люди, побѣжденные несчастіемъ, превышающимъ всякую мѣру, перестали имѣть жалость къ умирающимъ. Выздоровѣвшіе всѣхъ болѣе имѣли состраданіе къ умирающимъ и больнымъ, ибо они и на себѣ испытали болѣзнь, и знали, что они въ опасности, потому что болѣзнь, однажды перенесенная, снова уже не возвращалась въ такомъ видѣ, чтобъ она могла быть смертельною. Не только прочіе считали ихъ счастливыми, но и сами они, кромѣ настоящей радости, питали еще въ себѣ обманчивую надежду, что впредь никакая другая болѣзнь не будетъ для нихъ смертельною.

Тягость положенія Аѳинянъ, происходящая отъ самой моровой язвы, была еще усилена тѣмъ, что, при началѣ войны, многіе загородніе жители искали

убѣжища въ городъ; особенно терпѣли сами же пришельцы отъ такого необыкновеннаго стеченія народа въ городъ. Такъ какъ здѣсь не было довольно жилищъ, и такъ какъ многіе принуждены были лѣтомъ жить въ душныхъ избахъ, то множество умирало въ ужасномъ безпорядкѣ. Умирающіе лежали кучами, и кучами же лежали трупы. Полумертвые валялись по улицамъ и близъ всѣхъ водохранилищъ, дабы утолить жажду. Храмы, въ которыхъ пришельцы также поселялись, были наполнены трупами людей, тамъ умершихъ, ибо, не зная напередъ своей участи, подавленные несчастіемъ, все перестали уважать, все, безъ различія, освященное и божескими и человѣческими законами. Всѣ обряды, соблюдаемые обыкновенно при погребеніяхъ, пришли въ разстройство. Погребалъ всякъ какъ могъ, не думая о запрещеніяхъ: такъ какъ собственныхъ средствъ уже не доставало, отто-

го, что много уже прежде умерло своихъ, то обращались къ чужимъ ко-
страмъ, клали на нихъ своихъ мертвецовъ
и зажигали костеръ, предупреждая
тѣхъ, которые его приготовили; или
же въ то время, какъ сожигался уже
на кострѣ чужой трупъ, бросали туда
же ими принесенный и поспѣшно уда-
лялись.

Эта же моровая язва была первымъ
поводомъ и къ другимъ, еще большимъ
беззаконностямъ, совершавшимся въ го-
родѣ. Безстрашные теперь отважива-
лись открыто удовлетворять тѣмъ стра-
стямъ, которыя прежде таили, видя
вокругъ себя быструю перемену судь-
бы, какъ богачи внезапно умирали, а
тѣ, которые прежде ничего не имѣли,
овладѣвали ихъ богатствами. Видя, что
жизнь и богатства такъ кратковременны,
спѣшили насладиться тѣмъ и другимъ.
Никто не имѣлъ охоты сносить тяго-
сти, чтобы жертвовать тому, что онъ

считалъ хвалы достойнымъ , ибо неизвѣстно было, не похитить ли его смерть, прежде нежели ему удастся достигнуть своей цѣли. То только считалось похвальнымъ и полезнымъ, что доставляло немедленное наслажденіе или же было къ тому средствомъ. Никакой страхъ къ богамъ, никакой человѣческій законъ ихъ не обуздывали. Почитать или не почитать боговъ , было , казалось, все равно, ибо видѣли, что всѣ, безъ различія, доставались въ добычу смерти; никто не думалъ дожить, пока дѣло его рѣшится въ судъ и виновный понесетъ наказаніе за свои преступленія; надъ головою каждаго висѣлъ уже неизбѣжный и гораздо злѣйшій мечъ кары; всякъ считалъ себя въ правѣ, сколько возможно болѣе, насладиться жизнію , прежде нежели совершится надъ нимъ смертный приговоръ судьбы.

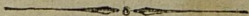
Такія бѣдствія постигли Аѳиняны. Въ городѣ вымирали люди, загородняя об-

ласть была опустошаема. Въ эти дни скорби, старики, естественно, вспомнили, что издавна пѣтъ былъ такой стихъ: « придетъ Дорійская война и съ нею моровая язва. » Хотя многіе спорили, что въ этомъ стихѣ говорится не о моровой язвѣ (*λοιμος*), а о голодѣ (*λιμος*), но, сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, то, разумѣется, толкованіе должно было взять верхъ, которое принимало, что здѣсь говорится о моровой язвѣ, ибо люди относили преданіе къ тому, что тогда терпѣли. Впрочемъ, я думаю, если впоследствии снова возгорится Дорійская война (т. е. война со Спартанцами и вообще жителями Пелопонеза, которые большею частию принадлежали къ Дорійскому племени), и случится тогда же голодъ, то толкованіе измѣнится въ этомъ смыслѣ. Вспомнили также нѣкоторые и о томъ оракулѣ, какъ богъ (Аполлонъ), на вопросъ Лакедемонянъ — начать ли имъ войну? — отвѣчалъ: если

вы станете сражаться настойчиво, то побѣда останется за вами, и самъ онъ (Аполлонъ) вамъ поможетъ. Находили, что настоящія событія согласны съ этимъ оракуломъ; что моровая язва явилась, въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдъ за вторженіемъ Пелопонезцевъ въ Аѣинскую область; что въ Пелопонезѣ она совсѣмъ почти не была замѣтна, но что она всего болѣе опустошала Аѣины, а за ними и другія многонаселенныя земли.

Вотъ разсказъ о событіяхъ, относящихся къ моровой язвѣ.

П. Рѣдкинъ.

ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Царствованіе Іоанна Грознаго памятно Россіи во всѣхъ отношеніяхъ : памятно по огромному расширенію ея предѣловъ, по ея страданьямъ и по необычайности добродѣтелей, вызванныхъ самими страданіями.

Царь Иванъ Васильевичъ былъ сынъ царя и великаго князя Василья Ивановича отъ его второй жены. Первая жена Василья Ивановича, женщина непорочная въ глазахъ человѣческихъ, была еще жива, когда онъ вступилъ въ новый брачный союзъ; у нея дѣтей не было, а Василій Ивановичъ желалъ, чтобы его потомство сидѣло на Русскомъ

престолъ; — онъ рѣшился съ нею развестись; женился на княжнѣ Глинской, и у него родился сынъ, царствовавшій въслѣдствіи подъ именемъ Ивана Васильевича Грознаго.

Иванъ Васильевичъ былъ еще младенцемъ, когда умеръ его отецъ, и воспитаніе будущаго царя, такъ же какъ и управленіе царствомъ, были предоставлены вдовствующей великой княгинѣ. Елена Глинская не отличалась нравственностью на престолѣ. Члены Боярской Думы, совѣтники и любимцы великаго князя Василья Ивановича, не отличались также ни совѣстливостью, ни благородствомъ души. Дворъ сдѣлался обителью разврата и кровопролитія, и бѣдное младенчество Ивана Васильевича окружено было гибельными уроками и еще болѣе гибельными примѣрами всѣхъ пороковъ. Такъ возрасталъ будущій правитель Россіи: душа страстная, но развращенная съ дѣт-

ства; умъ необычайный, но, къ несчастію, не освѣщенный знаніемъ обязанностей человѣческихъ. Такъ достигъ онъ юношескаго возраста и вступилъ въ правленіе государствомъ. Народъ, утомленный крамолами бояръ, и негодующій на униженіе Россіи въ послѣдніе годы ихъ правленія, встрѣтилъ съ радостною надеждою своего молодого царя, одареннаго красотою и величіемъ, рѣдкими способностями къ дѣлу государственному и удивительнымъ краснорѣчіемъ, котораго доказательства сохранились для потомства въ его письмахъ; но надежды скоро обратились въ уныніе. Россія наполнилась слухомъ о жестокихъ казняхъ. Москва была облита кровью невинныхъ жертвъ и приведена въ ужасъ буйнымъ развратомъ своего царя. Иванъ Васильевичъ начиналъ то страшное царствованіе, которое, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, устрашало современниковъ и губило въ безплодныхъ страда-

ніяхъ силы государства.—Вдругъ пришла радостная вѣсть: «грозный царь перемѣнился.»

Послушный до конца народъ Русскій не только не возставалъ противъ государя, верховнаго правителя и представителя народнаго единства, но еще сознавалъ въ себѣ высшій долгъ, — долгъ любви. Царю—правителю обязанъ онъ былъ повиновеніемъ, царю—человѣку — правдою; и во имя правды и любви Христіанской шли къ царямъ люди Русскіе, принося къ нимъ стонъ народа и голосъ праведнаго обличенія. Палачи окружали дворецъ, палачи ждали ихъ во дворцѣ, но они вступали спокойно, помолившись Богу и приготовившись къ разставанію съ жизнію,—мученическая жертва,—жертва любви народа къ государю. Большая часть изъ нихъ погибла; иные спасли другихъ невинныхъ или цѣлыя области (какъ напр: юродивый Салось во Псковѣ). Однимъ изъ первыхъ обличителей,

и самымъ счастливымъ, былъ Сильвестръ: его самопожертвованіе дало нѣсколько лѣтъ славы и благоденствія Россіи.

Москва цѣпенѣла въ ужасъ передъ свирѣпостью и буйствомъ молодаго царя Ивана Васильевича, и вдругъ поразила ее новый ужасъ, — бѣдствіе неожиданное, кара Божія, по мнѣнію современниковъ. Весною, въ 1547-мъ году, сгорѣла большая часть Китай-города, съ гостинными казенными дворами, съ богатыми лавками и множествомъ домовъ, отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы рѣки; высокая башня, въ которой хранился порохъ, взлетѣла на воздухъ, и часть городской стѣны упала въ рѣку и запрудила ее. Черезъ нѣсколько дней, все Заяузье было обращено въ пепелъ; черезъ два мѣсяца, въ началѣ лѣта, во время бури, вспыхнулъ огонь на Арбатѣ, быстро охватилъ Пречистенку и такъ называемое Черторіе до Москвы

рѣки, перекинулся черезъ высокую стѣну Кремля и охватилъ весь Кремль; потомъ, неудержимо разлился по всѣмъ его окрестностямъ, захватывая всѣ улицы до Яузы и до самаго Всполья. Пламенный потокъ обнялъ гибнущую Москву; люди не успѣвали спастись изъ домовъ своихъ; — быстрота пламени обгоняла ихъ бѣгство и захватывала всѣ дороги. Москва пылала какъ огромный костеръ, въ которомъ стоны умирающихъ были заглушены воемъ бури, трескомъ огня, и громомъ взрывающихся пороховыхъ запасовъ. Церкви, соборы, царскіе дворцы, каменные палаты исчезали въ огненномъ вихрѣ такъ же быстро, какъ деревянные хижины. Все гибло: древніе памятники письменности, сокровища частныхъ людей, богатые оружія, царская казна, святые иконы и даже мощи угодниковъ. Въ ужасѣ бѣжалъ народъ, скрываясь въ окрестные лѣса; въ ужасѣ бѣжалъ царь въ свой загородной

дворецъ въ селѣ Воробьевѣ. Пожаръ потухъ; въ погибнувшей Москвѣ дымились развалины. Чернь, раздраженная несчастіемъ, искала и убивала мнимыхъ зажигателей; власти духовныя и свѣтскія молчали, окованныя трепетомъ минувшей грозы. Тогда въ Воробьевской дворецъ къ грозному царю пришелъ священникъ, родомъ Новгородецъ, именемъ Сильвестръ, и обличилъ его словомъ правды и писанія, обличилъ его въ преступленіи и развратѣ, въ нарушеніи законовъ Божескихъ и человѣческихъ, устрасилъ его гнѣвомъ небеснымъ и призвалъ къ покаянью. Царь, внимая словамъ Боголюбиваго человѣка, словамъ любви и самопожертвованія, увидѣлъ всю черноту своей жизни, ужаснулся самаго-себя, заплакалъ отъ глубины сердца, и покаялся. Воля Божія отсрочила на нѣсколько лѣтъ будущее бѣдствіе Россіи.

Первымъ душевнымъ движеніемъ Ива-

на Васильевича было отвращеніе отъ самаго-себя, вторымъ—негодованье на раболѣпствующій дворъ, окружившій его сѣтями лести и неправды; онъ искалъ для будущихъ своихъ чистыхъ подвиговъ новаго чистаго орудія; онъ искалъ человѣка, который бы сочувствовалъ съ покаявшимся царемъ, такъ какъ другіе царедворцы сочувствовали царю страстному и злему, — и онъ нашелъ его. Таковъ общій нравственный законъ сочувствія людей между собою въ добръ и злѣ. Новый добрый совѣтникъ для будущихъ подвиговъ добра, выбранный государемъ въ толпѣ молодыхъ сановниковъ, принадлежалъ къ роду не именитому и не былъ еще облеченъ въ высокое званіе. То былъ вѣчно памятный Алексѣй Теодоровичъ Адашевъ.

Иванъ Васильевичъ вступилъ въ новое поприще съ тою же пылкостью, съ которою онъ и прежде и послѣ предавался дурнымъ страстямъ. Его пока-

нѣе было всенародно, торжественно; оно совершилось на Лобномъ мѣстѣ, въ виду изумленной и обрадованной Москвы. Онъ просилъ прощенія въ прежнихъ своихъ беззаконныхъ дѣлахъ, обвиняя въ нихъ, — и не безъ причины, — развратъ двора, въ которомъ онъ былъ воспитанъ; онъ обѣщалъ быть царемъ правды и мира, и увѣщевалъ своихъ подданныхъ, дабы и они, подобно ему, измѣнили злость сердецъ своихъ, и полюбили другъ друга любовью Христіанскаго братства. Въ тотъ же день поручилъ онъ Адашеву разборъ челобитныхъ и сказалъ ему во всеуслышанье: «Алексѣй! я слышалъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и взялъ тебя, человека молодаго и нищаго, и возвысилъ тебя на помощь душъ моей. Ты не желалъ этаго сана, но я пожелалъ тебя имѣть, и не тебя только, но и другихъ такихъ же, которые бы утолили печаль мою и призрили людей моихъ, Богомъ мнѣ врученныхъ. Поручаю тебѣ принимать и

разбирать челобитныя отъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Не бойся сильныхъ и славныхъ—губителей немощи и бѣдности; не вѣрь и ложнымъ слезамъ и клеветамъ бѣднаго, когда онъ будетъ обращать твое состраданіе въ орудіе неправды. Все испытывай и приноси намъ истину, страшася суда Божіяго. »

Вскорѣ увидѣла Россія плоды совѣтовъ Сильвестра и Адашева: злые вельможи были удалены и замѣнены лучшими; составъ Думы Царской былъ измѣненъ; злоупотребленіе власти обуздано. Вслѣдъ за тѣмъ приступилъ царь къ дѣлу великому,—къ собранью и приведенью въ порядокъ государственныхъ законовъ. Трудami мудрыхъ совѣтниковъ, подъ надзоромъ умнаго царя, составленъ былъ Судебникъ—прекрасный памятникъ нашего древняго права, сводъ узаконеній и судебныхъ обычаевъ Русской земли. Измѣненій было сдѣлано не много, и то самыхъ необхо-

димыхъ. Уважены были святыня старины,^и и мудрость прошедшихъ вѣковъ, и неприкосновенность народнаго обычая, всегда возникающаго изъ народной жизни. Но, кончивъ великій трудъ свой, Иванъ Васильевичъ отдалъ на судъ избраннымъ людямъ земли Русской собраныя законы, назначенныхъ для нея, дабы такимъ образомъ утвердились и полнѣйшее разумѣніе права и полнѣйшее согласіе между народомъ и царемъ. Въ Москвѣ былъ созванъ соборъ знаменитѣйшихъ людей изъ чина свѣтскаго и духовнаго; Судебникъ былъ ими рассмотрѣнъ и утвержденъ. Государю полюбился голосъ народа, и новыя уставныя грамоты дали всѣмъ городамъ и волостямъ право избирать старостъ, цѣловальниковъ, или присяжныхъ, для суда по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, вмѣстѣ съ царскими намѣстниками. Въ то же время земская исправка была поручена сотскимъ и пяти-

десятникамъ, избраннымъ также вольнымъ выборомъ сельской общины. Такъ былъ возстановленъ древній Русскій обычай, въ то время измѣненный почти вездѣ, за исключеньемъ Пскова и ширской области Новгородской.

И послѣ этого собора не разъ государями Русскими, Иваномъ Васильевичемъ и его преемниками, созывались выборные люди отъ Русской земли въ Земскую Думу, или въ Земскій Великій Соборъ, — для обсужденія самыхъ важныхъ дѣлъ по законодательству или по сношеніямъ съ иностранными державами. Въ этихъ Земскихъ Думахъ или Соборахъ участвовали всѣ чины, отъ высшаго духовенства и боярства до мѣщанъ и людей посадскихъ. И всѣ чины пользовались равными правами, хотя и не равнымъ почетомъ; приговоръ полагался единодушно, но писался отъ каждаго чина особенно, и утверждался подписями также по чинамъ. Возможность

такого единодушія, удивительная по теперешнимъ понятіямъ, объясняется весьма просто изъ тогдашняго быта. Основною мнѣнія были не личныя, шаткія и произвольныя понятія, естественно склонныя къ разногласію, но древній обычай, которой одинъ для всѣхъ Русскихъ, и прямой законъ Божественный, который одинъ для всѣхъ Православныхъ.

Земская Дума не имѣла никакой власти, и была только выраженіемъ народнаго смысла, призваннаго на совѣтъ государемъ; по этому самому, она не только не могла произвести никакого раздвоенія власти, но утверждала ее, связуя воедино волю государя съ обычаемъ и нравственнымъ чувствомъ народа. Когда, послѣ смерти Годунова, наступили бѣдствія Россіи, ни Самозванецъ, ни Шуйскій, избранный противозаконно, не смѣли стать лицомъ къ лицу съ Земскою Думою; а во время сиротства государственнаго, она отдала снова всю

власть, въ которую временно была облечена, новоизбранному царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову; и онъ, и его преемники любили совѣщаться съ нею, скрѣпляя государственную силу любви и смысломъ народа. Такъ надобно понимать значеніе Земскихъ Соборовъ, дабы яснѣе разумѣть и пользу, принесенную ими, и многія явленія древней Русской Исторіи.

Послѣ Земской Думы и собранія свѣтскихъ законовъ въ Судебникъ, Иванъ Васильевичъ Грозный созвалъ и соборъ духовныхъ лицъ, дабы привести въ порядокъ нѣкоторыя церковныя постановленія, истребить нѣкоторыя остатки язычества и устранить случайно вкравшееся злоупотребленіе. Соборъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Стоглаваго, по числу статей, имъ утвержденныхъ.

Таковы были первые плоды совѣтовъ Сильвестра и Адашева: миръ и тишина въ государствѣ, кротость въ правленіи,

усовершенствованіе законовъ и любовь народа. Но царю и его совѣтникамъ извѣстно было, что на поприщѣ науки и вещественнаго просвѣщенія, Россія отстала далеко отъ государствъ западныхъ. Іоаннъ понималъ необходимость науки, и потребовалъ изъ чуждыхъ земель учителей для своей Россіи. Къ несчастію, вражда сосѣдей, Поляковъ, Ливонцевъ и Шведовъ, полагала преграду благимъ намѣреніямъ царя: они останавливали и заключали въ темницы иностранцевъ, отправлявшихся въ Россію по его призыву, ибо понимали уже всю силу Россіи, и, въ преступномъ себялюбіи, думали оградить себя отъ будущей опасности, удерживая въ невольномъ невѣжествѣ Русскихъ людей, просящихъ просвѣщенія и науки. Всѣ эти завистливые сосѣди получили въ послѣдствіи наказаніе свое. Первая же изъ всѣхъ была наказана, еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, Ливонія, дерзко нару-

шавшая народное право и нравственную обязанность. Благія намѣренія Іоанновы встрѣтили преграду, почти непреодолимую, и весьма немногіе изъ ученыхъ людей могли проикнуть въ Россію; но, къ чести совѣтниковъ Іоанна, не должно забывать, что самое живое и ревностное стремленіе его къ просвѣщенію выказалось въ то время, когда іерей Сильвестръ руководилъ всѣми его дѣлами.

Много было сдѣлано для внутренняго устройства Россіи. Надобно еще было обезопасить ея предѣлы отъ внѣшнихъ непріятелей. Съ сѣверо-запада Швеція дѣлала частыя нападенія на область Новгородскую; съ запада Нѣмецкіе рыцари, овладѣвшіе берегами Балтійскаго моря, беспокоили и тѣснили Россію, не уважая ни святости договоровъ, ни обязанностей своихъ въ отношеніи къ мирному сосѣду. Польша и присоединенная къ ней Литва безпрестанно грозили войною, отказывая Русскому государю въ

царскомъ имени и изъявляя неправыя притязанія на коренныя области Русскія; наконецъ, съ сѣверо-востока, востока и юга кочевыя и полукочевыя царства Татарскія опустошали безпрестанными набѣгами, или пагромами, большую и лучшую половину Россіи, разоряя самыя окрестности Москвы, обращая города и села въ пепелъ, и уводя несчастныхъ жителей въ жестокое рабство. Съ этой стороны была величайшая опасность, слѣд. туда должны были быть обращены первые удары новой Русской силы.

Въ концѣ XII-го столѣтія, въ срединѣ Азіи, племена Монголовъ (того самаго народа, котораго мы называемъ Калмыками), скрѣпили и соединились въ могучій союзъ подъ предводительствомъ Темуджина, иначе называемаго Чынгисханомъ. Этотъ грозный завоеватель покорилъ почти всю Азію, и основалъ недолговѣчное, но безспорно самое обширное изъ

всѣхъ царствъ, которыя когда-либо упоминались въ исторіи. Вскорѣ послѣ его смерти, преемники его завоевали всю Россію, кромѣ ея сѣверныхъ областей (Новгорода и Пскова), опустошили большую часть Польши и разгромили Венгрію. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи двухъ вѣковъ, Россія стонала подъ игомъ Монголовъ и платила имъ тяжелую дань. Впрочемъ, дѣйствительно, войско, покорившее и разграбившее Россію, состояло не изъ Монголовъ. Изъ Монголовъ были только предводители и часть отборной дружины; войско же состояло изъ Турокъ, побѣжденных и увлеченныхъ потокомъ Монгольскихъ (т. е. Калмыцкихъ) племенъ. Русскіе же называли своихъ побѣдителей не Монголами, по имени властвующей семьи, и не Турками, по имени народа, изъ котораго составлено было войско, но Татарами, по имени небольшого племени Татаевъ, Татаней или Татаръ, — нѣкогда

жившаго на границѣ Китая, потомъ захваченнаго въ общемъ движеніи Монголовъ на западъ, и случайно составившаго ихъ передовой отрядъ, во время нашествія на Россію. Эта ошибка въ имени народа, который властвовалъ такъ долго въ нашемъ отечествѣ и до сихъ поръ въ немъ живетъ, доказываетъ, какъ осторожно надобно судить о дѣйствительномъ составѣ какого бы то ни было племени, по имени, подъ которымъ оно является въ исторіи, и какъ трудно исправить какую бы то ни было ошибку, вкравшуюся случайно въ языкъ или обычай народный.

Россія была покорена и опустошена; племена, жившія по Волгѣ, Дону, Кавказу и берегамъ Чернаго моря, были прогнаны, истреблены или обращены въ рабство; на ихъ мѣстѣ, въ опустѣлой землѣ, поселились побѣдители—Турки, извѣстные Русскимъ подъ именемъ Татаръ. Царство Монгольское распалось на части: изъ его

обломковъ въ юго-восточной Россіи составилась новое Татарское царство, которому долго платили дань наши великіе князья. Наконецъ, и оно распалось; Россія освободилась отъ ига, но продолжала страдать отъ уцѣлѣвшихъ остатковъ прежней Татарской силы. На югъ было сильное царство Татаръ Крымскихъ, которые безпрестанными набѣгами опустошали всю область Орловскую и Курскую, и нерѣдко насылали свои многочисленныя дружины на Калугу, Тулу, Рязань и на самыя окрестности Москвы. На востокъ отъ Крымскихъ Татаръ кочевали Нагайцы, опустошавшіе всю область при-Донскую; наконецъ, на сѣверо-востокъ основано было другое царство, отъ котораго Россія еще болѣе страдала, чѣмъ отъ своихъ южныхъ непріятелей.

На берегахъ Волги нѣкогда жило племя Славянское, однокровное намъ Рус-

скимъ, мужественное и торговое племя Болгарь при-Волжскихъ (*). Большая часть этихъ Болгарь, въ теченіи 6-го и 7-го вѣка послѣ Р.Х., переселилась на Дунай, гдѣ они и теперь живутъ въ числѣ нѣсколькихъ милліоновъ. Тѣ, которые остались на старыхъ жилищахъ, были побѣждены и порабощены новыми пришельцами изъ Азіи, воинственными семьями Финно-Турецкаго корня, составлявшими союзъ Уйгуровъ. Побѣдители приняли отъ побѣжденныхъ, вмѣстѣ съ именемъ Болгарь, многіе обычаи и склонность къ торговлѣ; сохраняя впрочемъ воинственный характеръ и память о своей побѣдѣ надъ Славянами; ибо называли себя владыками Саклабовъ (т. е.

(*) Этотъ взглядъ на исторію при-Волжія основанъ на сличеніи свидѣтельствъ Европейскихъ и Азіятскихъ писателей, и согласенъ съ догадкою Венелина, открывшаго у насъ новую эпоху для исторической критики.

Славянъ). Русскимъ князьямъ пришлось бороться съ этими новыми безпокойными сосѣдями. Послѣ продолжительной войны, Россія стала одолѣвать непріятелей, и такъ называемая Великая Болгарія приходила въ упадокъ. Чингисхановы Татары докончили дѣло, начатое Русскими, и при-Волжская Болгарія исчезла съ лица земли. Въ опустѣлой землѣ погибли почти всѣ города, прекратилась торговля, и племена кочевыхъ грабителей раскинулись широко и привольно по всѣмъ берегамъ Волги.

Наконецъ, и Татары стали мало по малу привыкать къ торговлѣ, и, въ началѣ 15-го столѣтія, Ордынскіе выходцы возобновили старый Булгарскій городъ — Казань на торговомъ перепутіи, не далеко отъ развалинъ города Болгаръ. Такъ началось новое царство, гибельное для Россіи, по дикому праву жителей и по близости его къ самому средоточію государства Русскаго

въ Москвѣ. Много страдала Россія отъ Казанскаго царства: безпрестанно опустошаемы были берега Волги, окрестности Нижняго-Новгорода, земля Муромская, окрестности Владиміра и нерѣдко самая область Московская. Въ двухъ-стахъ верстахъ отъ столицы, крестьяне не смѣли выстроить себѣ удобнаго жилища, не смѣли надѣяться собрать въ житницы свои плоды своихъ полей: всякій день могла налетѣть Татарская дружина, потоптать жатвы, испепелить деревни. Вся жизнь поселянъ проходила въ тревогѣ, въ войнѣ, въ бѣдѣ. Русскіе князья терпѣли или откупались отъ нея деньгами. Но между тѣмъ Россія крѣпла. Дѣдъ царя Ивана Васильевича, великій князь Иванъ Васильевичъ III-й, властитель великій и строгій, утвердивъ навсегда первенство Москвы надъ остальными Русскими городами, распространилъ далеко предѣлы государства. Онъ прекратилъ набѣги Казанцевъ; от-

нялъ у нихъ значительную часть ихъ области; обогнулъ Казанское царство, завоевавъ далеко на сѣверъ Югорскую землю и часть теперешней сѣверо-западной Сибири. Наконецъ, нанесъ онъ тяжелый ударъ самой Казани и наложилъ на нее временную дань и иго Русской власти. Впослѣдствіи Казанцы снова освободились и возобновили свои нападенія; во время малолѣтства царя Ивана Васильевича и крамоль боярскихъ, безпрестанныя нашествія Татаръ и ихъ подрушниковъ—Черемисовъ обратили въ пустыни всѣ области пограничныя съ Казанью, и это бѣдствіе продолжалось еще тогда, когда молодой государь вступилъ уже во всѣ свои царскія права. Надобно было наказать безуміе Казани, не знавшей ни безсилія своего, ни силы Россіи, ни святости договоровъ, ни взаимныхъ обязанностей государствъ. Надобно было навѣкъ освободиться отъ вѣчно-возобновляемаго бѣдствія. Иванъ

Васильевичъ и его добрые совѣтники рѣшились на великій подвигъ войны.

Первый походъ, предпринятый зимою, не имѣлъ успѣха; второй, совершенный тоже зимою, въ 1550-мъ году, навелъ страхъ на Казань, и войска Русскія стояли подъ ея стѣнами; но и въ этотъ разъ быстрая переменъ погоды принудила ихъ къ отступленію. При всемъ томъ, въ близкомъ разстояніи отъ враждебной столицы основана была крѣпость Свияжскъ, на высокой горѣ, въ мѣстѣ, которое избралъ вѣрный взглядъ самаго Ивана Васильевича, — и стѣсненная Казань предугнала свое паденіе. Въ скоромъ времени, покорилися Россіи прежніе подданные царства Казанскаго — Чуваши, Мордва и храбрые Черемисы, — народы племени Финскаго, давно уже покоренные Татарами. Испуганные Казанцы, въ то время управляемые царемъ малолѣтнимъ, подъ опекою матери его Сюмбеки, и измученные внутрен-

ними мятежами, просили мира и обещали покорность. Царь Иванъ Васильевичъ далъ имъ новаго царя Шигалея, князя Казанскаго, давно уже служившаго въ Россіи. Новыя завоеванія по нагорной сторонѣ Волги остались въ рукахъ побѣдителей; множество Русскихъ плѣнныхъ было освобождено и возвращено въ свое отечество; но этотъ миръ былъ непродолжителенъ: Казанцы выгнали своего царя, возмутились и возвели на престолъ Астраханскаго царевича Эдигерь-Махмета. Война началась снова. Въ Свіяжскѣ свирѣпствовали болѣзни; войско и воеводы, которые стерегли Казань, предавались безпечности и разврату. Недавно покоренные жители горной стороны измѣняли и нападали на Русскіе отряды; ободренные Казанцы въ легкихъ сшибкахъ одерживали нерѣдкія побѣды и новыми набѣгами уже начинали тревожить Русскую границу. Слѣдовало нанести рѣшительный и окон-

чательный ударъ. Новые воеводы были отправлены въ Сіяжскъ, прежніе смѣнены; войско, стоящее около Свіяжска, получило строгій выговоръ отъ царя, и строгое наставленіе отъ Московскаго духовенства. Отовсюду была собрана многочисленная рать на берегахъ Оки и Волги. Давно уже не видала Россія такого ополченія: весело стекалося войско къ знаменамъ царя любимаго, къ дѣлу войны законной и неизбѣжной. Но и Казань была не безъ союзниковъ: въ ея паденіи предвидѣли южные Татары и свое будущее бѣдствіе. Сперва Нагайцы сдѣлали нападеніе на область Рязанскую, но ихъ дружины были разбиты и почти уничтожены царскими воеводами. Потомъ, когда долженъ былъ начаться походъ противъ Казани, явилось на южной границѣ Россіи многочисленное войско Крымскихъ Татаръ, усиленныхъ отрядами Янычаръ, присланныхъ султаномъ. Ханъ Крымскій Девлетъ-Гирей,

человѣкъ предприимчивый и смѣлый, велъ эти полчища на Тулу, опустошая и разрушая все на своемъ пути. Въ Тулѣ не было ратныхъ людей, потому что она отправила всѣхъ своихъ ратниковъ на службу государю — въ походъ Казанскій; немногочисленно было и войско царское подъ Москвою, потому что главная рать уже была далеко на берегахъ Клязмы и Свіяги. Но Тульскіе жители стали бодро на защиту своего города и отбили Крымцевъ и Янычаръ — тогдашнюю грозу всей Европы; а войско, собранное подъ Москвою, состоявшее изъ отборныхъ дѣтей боярскихъ, изъ дворянъ, жильцовъ и всегда мужественныхъ Новгородцевъ, шло, по словамъ современниковъ, на битву, какъ на потѣху. Ханъ отступилъ, но Русскіе настигли его, и блистательною побѣдою наказали за дерзкій набѣгъ.

Торжествующее войско шло на Казань. Труденъ былъ лѣтній походъ

чрезъ области, перерѣзанныя широкими рѣками, топкими болотами, непроходимыми лѣсами; но все войско Русское, такъ же какъ и вся Россія, было исполнено надеждъ и любви. Воеводы служили всею душою царю, кроткому и справедливому; царь вѣрилъ воеводамъ и войску: всѣ препятствія были побѣждены легко, всѣ лишенія — перенесены охотно. Русскіе стали на послѣдній бой передъ стѣнами Казани; осада была кровопролитна: Татары не посрамили своей старой славы, пріобрѣтенной цѣлымъ рядомъ побѣдъ и завоеваній: каждый шагъ земли былъ купленъ жестокою битвою, каждый день ознаменованъ отчаянною борьбою, между народомъ, отстаивающимъ свою свободу, и народомъ, мстящимъ за долгія обиды и страданія. Казанцы не сдавались, а умирали съ оружіемъ въ рукѣ; — и даже въ послѣдній часъ, когда уже пали стѣны и часть города была занята, они порывомъ отча-

янной храбрости едва не вырвали побѣды изъ рукъ Русскаго войска. Мужество отборной дружины и старыхъ воеводъ, окружающихъ царя, рѣшило участь сраженія: пала Казань и ея царство. Широко на востокъ раскинулась Россія, и, черезъ шестьдесятъ лѣтъ, область, завоеванная Иваномъ Васильевичемъ въ дни, когда онъ внималъ доброму совѣту, спасала Москву и Россію. Царь былъ смирененъ въ побѣдѣ, воздавая за нее хвалу Богу; ласковъ къ своимъ воинамъ, благодаря ихъ за кровавый подвигъ; милостивъ къ побѣжденнымъ, принимая живыхъ подъ свое покровительство, сожалья о павшихъ Казанцахъ, какъ о людяхъ, не знавшихъ Христіанства, но созданныхъ Богомъ для братства человеческого. Подвигъ войны былъ великъ, торжество — милосердо.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взятія Казани, царь Иванъ Васильевичъ заболѣлъ сильною горячкою. Болѣзнь бы-

ла опасна, надежды на исцѣленіе мало. Народъ плакалъ о великомъ царѣ, но при дворѣ были смуты и почти явные мятежи. Царь завѣщалъ престолъ своему малолѣтному сыну, но многіе бояре отказывались отъ присяги, и прочили царство близкому родственнику царскому, — князю Владиміру Андреевичу. Иванъ Васильевичъ приказывалъ, просилъ со слезами, но его приказанія и просьбы были бесполезны. Упрямство бояръ и ихъ мнимая неблагодарность къ великому государю, недавно еще возвеличившему Россію законами и побѣдами, были нерѣдко предметомъ осужденія, но это осужденіе едва ли справедливо. Со времени великаго князя Святослава Игоревича, первымъ малолѣтнымъ государемъ на Русскомъ престолѣ былъ Иванъ Васильевичъ, и въ дни его младенчества Россія много натерѣлась униженія и бѣды. Этотъ опытъ заставлялъ всѣхъ бояться новыхъ боярскихъ кра-

моль при новомъ царѣ—младенцѣ. Самое право царскаго сына на престолъ отца (несомнѣнное для насъ) казалось сомнительнымъ по понятіямъ тогдашняго времени. По древнему обычаю дома Рюрикова, престолъ великокняжескій переходилъ не отъ отца къ сыну, но отъ умершаго великаго князя къ старшему изъ его родственниковъ,—и этотъ обычай былъ только отстраненъ частными договорами, а не отмѣненъ кореннымъ закономъ. Еще при дѣдѣ царя Ивана Васильевича, великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III, порядокъ престолонаслѣдія былъ нѣсколько разъ нарушенъ; слѣдовательно онъ не могъ еще обратиться въ священный обычай и быть вполне обязательнымъ для совѣсти бояръ. Отказываясь отъ присяги, они поступали откровенно и добросовѣстно, хотя и ошибались въ понятіяхъ своихъ о пользѣ государственной. Такъ думалъ и царь Иванъ Васильевичъ, ког-

да неожиданно выздоровѣлъ отъ тяжелой болѣзни. Онъ не мстилъ и не наказывалъ: онъ понималъ разницу между злонамѣренностью и ошибкою. Быть можетъ, память объ ослушаніи боярскомъ и о правахъ князя Владиміра Андреевича на престолъ подали ему поводъ казнямъ, въ то время, когда разсвирѣпѣвшія страсти его стали искать уже не причинъ, а предлога для жестокости; но мы не имѣемъ никакого права обвинять его въ лицемеріи послѣ выздоровленія.

Царь Иванъ Васильевичъ, получивъ изцѣленіе, пожелалъ выразить свою благодарность Богу поклоненьемъ въ монастырь Святаго Кирилы Бѣлозерскаго. Во время этого путешествія, отъ котораго бесполезно отговаривали его добрые совѣтники и Богоугодные люди, особенно же извѣстный Максимъ Грекъ — мужъ святой, исправитель переводовъ Священнаго писанія на Славянскій языкъ,

царь пожелалъ видѣться съ Коломенскимъ епископомъ Вассіаномъ Топорковымъ. Вассіанъ былъ нѣкогда любимцемъ Василья Ивановича, но боярами былъ лишенъ епархіи за лукавство и жестокосердіе. Иванъ Васильевичъ просилъ его совѣтовъ, и злой совѣтникъ отца былъ злымъ совѣтникомъ для сына. Онъ сказалъ ему: «если хочешь быть царемъ, то не держи совѣтниковъ умнѣе себя»—и царь благодарилъ его за ядовитый совѣтъ, какъ будто бы слава совѣтника не есть слава государя, ему внимающаго, или какъ будто цари царствуютъ для своей славы, а не для счастія народа и для исполненія закона Божіаго. Свиданіе съ Вассіаномъ было, безъ сомнѣнія, бѣдствіемъ для Ивана Васильевича, но вліяніе злаго совѣта оказалось не скоро.

Вънедавно—покоренной области Казанской безпрестанно вспыхивали бунты на луговой сторонѣ Волги; туда было послано войско съ добрыми воеводами, кня-

земь Микулинскимъ , Шереметевымъ , княземъ Курбскимъ и Даниломъ Оеодоровичемъ Адашевымъ, братомъ любимца государева. Успѣхи оправдали царскій выборъ; — и, послѣ мужественнаго сопротивленія, Черемисы покорились навсегда. Въ Казани было учреждено архіепископство, и первый ся Святитель Гурій, причисленный впослѣдствіи къ лику Угодниковъ, наполнилъ славою своихъ Христіанскихъ добродѣтелей область, недавно прославленную великими подвигами военными.

На устьѣ Волги былъ нѣкогда городъ Казарскій, называемый Атель или Балангарь. Въ 13-мъ вѣкѣ, онъ принадлежалъ другому племени и назывался Сумеркентомъ ; впослѣдствіи принадлежалъ Татарамъ Золотой Орды и, назывался, по нашимъ лѣтописямъ, Астороканью; послѣ паденія Золотой Орды, онъ сдѣлался столицею особенныхъ хановъ изъ рода князей Нагайскихъ. При царь Иванъ

Васильевичъ, неосторожный ханъ, обольщенный обѣщаніями султана и Крымскаго хана Девлетъ - Гирея, оскорбилъ и заключилъ въ темницу Московскаго посла. Наказанье послѣдовало за оскорбленіемъ. Въ 1554-мъ году, была взята Астрахань, и новый ханъ возведенъ на мѣсто прежняго. Вскорѣ измѣнилъ и этотъ новый владыка, поставленный Россіею, и въ 1557-мъ году Астрахань была навсегда присоединена къ царству Московскому. Завоеванье было легкое, (какъ и старая народная пѣснь говоритъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ ;

« Казань-городъ на славу взялъ ,
Мимоходомъ городъ Астрахань.»)

Но слава была велика. Россія взяла себѣ всю Волгу, охватила царства Магометанскія и подала руку своимъ единовѣрцамъ, Христіанамъ въ Грузіи и на скатахъ Кавказа.

Еще прежде завоеванья двухъ Татарскихъ царствъ, приобрѣлъ Иванъ Ва-

сильевичъ безъ войны новую силу, которая въ послѣдствіи вѣрно служила его преемникамъ и бодро стояла въ сраженіяхъ за Святую Русь. Народы Славянскіе вообще были народами мирными, или хлѣбопашцами или торговцами; они не искали и не любили войны, но ихъ часто беспокоили воинственные сосѣди, и по границамъ земель Славянскихъ, вообще называемымъ Крайнами или Украйнами, селилися выходцы изъ Славянскихъ общинъ, удальцы, предпочитавшіе войну мирному быту и охранявшіе братьевъ отъ нашествія иноплеменнаго. Это явленіе принадлежало собственно только міру Славянскому и повторялось почти на всѣхъ его предѣлахъ. Въ Россіи воинственные защитники ея отъ Татаръ приняли Татарское же названіе Казаковъ. Много было Казаческихъ обществъ по всей южной Украйнѣ; и всѣ они были независимы, и всѣ имѣли одну только цѣль—стоять за землю Христіанскую.

противъ Мусульманъ и Татаръ. Главныя общины были на Днѣпрѣ и на Донѣ: Днѣпровскіе присоединились къ Польшѣ; Донскіе, видя возрастающую Россію и славу ея царя, признали надъ собою ея верховную власть, и, съ 1549-го года, служа Ивану Васильевичу, стали подаваться все болѣе и болѣе на югъ, завладѣли почти всѣмъ теченьемъ Донскимъ, громили Нагаевъ, Крымцевъ и даже Турокъ, и строили Русскія крѣпости на самыхъ берегахъ Азовскаго моря, въ странѣ, которая до тѣхъ поръ считалась принадлежностію Оттоманской имперіи.

Громко стало имя Россіи на востокъ: далекія земли Бохарская и Хивинская просили ея дружбы; Грузія и земли за-Кавказскія просили покровительства. Нагайцы, смиряясь, обѣщали покорность; племена Черкескія вступали къ ней въ подданство, и просили священниковъ для утвержденія у

себя слабѣющаго Христіанства ; западная Сибирь присылала ей дани; гордый султанъ, самый могущественнѣйшій изъ всѣхъ современныхъ государей, посылалъ къ Ивану Вавильевичу дружелюбныя грамоты, писанныя золотыми буквами, прося о мирѣ и любви. Одинъ только Крымъ еще грозилъ Россіи. Побѣжденный Девлетъ-Гирей возобновилъ набѣги; — снова доходилъ до Тулы, и снова бѣжалъ, при слухѣ о намѣреніи Русскихъ отрѣзать ему обратный путь. Вскорѣ и Русскіе показали на границахъ Крыма. Ржевскій взялъ нѣсколько крѣпостей на берегу Чернаго моря. Князья Черкескіе, вступившіе въ подданство Россіи, захватили Тамань и другія крѣпости на берегу Азовскаго моря; Литовецъ князь Вишневецкій, вступившій въ службу къ царю — побѣдителю, громилъ съ Казаками Крымскія и Нагайскія кочевья; наконецъ, Даніиль Теоодоровичъ Адашевъ, болѣе всѣхъ другихъ

счастливый и отважный, построивъ корабли на низовьяхъ Днѣпра, присталъ къ берегамъ самаго Крыма, и, въ продолженіи двухъ недель, опустошалъ сѣла и города, обогатившіеся разбоемъ и набѣгами на Польшу и Россію. Его дружина была слишкомъ малочисленна для завоеванья, и онъ отступилъ, но отступилъ съ добычею и славою побѣды. Крымъ въ первый разъ увидѣлъ надъ собою кару Россіи; онъ дрожалъ, предчувствуя близкую гибель; Россія радовалась въ ожиданіи законнаго и праведнаго торжества, но другія заботы обратили вниманіе царя Ивана Васильевича на западъ и отсрочили надолго паденіе Крымскаго царства.

По мѣръ возрастанія Россіи, возрастала и зависть сосѣднихъ державъ. Ея завоеванья были законны, ибо были только слѣдствіемъ законной обороны. Области, ею пріобрѣтенныя, были отняты у народовъ Магометанскихъ, противъ ко-

торыхъ безпрестанно проповѣдывалась война въ западной Европѣ; казалось бы и западнымъ сосѣдямъ Россіи не слѣдовало скорбѣть объ ея торжествахъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Всѣ они помнили, что воспользовались ея бѣдствіями во время Татарскаго ига для того, чтобы похитить ея старыя и лучшія области; всѣ чувствовали, что были противъ ея виноваты, и ненавидѣли ее, бояся справедливаго мщенія или повинуюся общему закону, по которому ненависть обидчика противъ обиженнаго растетъ по мѣрѣ того, какъ растетъ обида. Народъ, такъ же какъ и каждый человѣкъ, наказывается своими же грѣхами.

Въ 1553 году, Англія, окрѣпшая подъ державой рода Тюдоровъ, и вступившая при нихъ въ то поприще всемірной торговли, на которомъ она дошла въ наше время до высоты, безпримѣрной въ исторіи рода человѣческаго, захотѣла вступить въ прямыя сношенія

съ Россіею и получить отъ нея товаръ, который до тѣхъ поръ переходилъ въ Европу черезъ руки Ливонцевъ и Шведовъ. Берега Бальтійскаго моря еще не принадлежали Россіи; къ ней былъ только одинъ свободный доступъ черезъ моря Ледовитое и Бѣлое. Туда обратились Англичане, и предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ. Начался торговый размѣнъ, выгодный для обоихъ государствъ; начались между правительствами сношенія, исполненныя дружелюбія и искренняго доброжелательства. Радушно принимались въ Россіи Англійскіе купцы; радушно и почетно привѣтствованы были Англійскіе посланники; еще съ большими почестями принимались въ Англіи посланники Россіи. Такъ подали другъ другу руку два великіе народа, назначенные Провидѣніемъ занять высшее мѣсто въ обществѣ всѣхъ народовъ. Такъ распространилась до Темзы и до западной оконечности Европы Рус-

ская торговля, прорывавшая въ то же время до внутренней Азіи и до горныхъ преградъ, опоясывающихъ Индію съ сѣвера. Примуру Англіи послѣдовали Голландцы и купцы Брабандскіе.

Напрасно старалась Ливонія преградить пути сообщеній между Россіею и остальной Европою; напрасно Швеція просила Англичанъ прекратить торговлю, увеличивающую богатства земли Московской; Англія не хотѣла быть орудіемъ чужихъ страстей. Не получивъ успѣха посредствомъ переговоровъ, Швеція прибѣгла къ оружію. Ею правилъ государь великій и мудрый ея освободитель отъ Датчанъ, Густавъ Ваза. Онъ не хотѣлъ войны, но послушался дурныхъ совѣтовъ и опрометчивой храбрости своихъ богатыхъ дворянъ. Не долго продолжалась война: скоро узнала Швеція свое безсиліе и силу своего мирнаго сосѣда; — побѣжденная и наказанная, она смирилась. Царь Иванъ Ва-

енльевичъ не требовалъ распространенія государства: онъ утвердилъ прежнія границы, — но Шведы были принуждены отпустить даромъ Русскихъ плѣнниковъ, а своихъ выкупить, и король, получивъ строгій урокъ и выслушавъ строгій выговоръ, согласился уже не требовать прямыхъ сношеній съ царемъ Москвы и всея Руси, а довольствоваться сношеніями съ намѣстникомъ Новгородскимъ. Скоро кончилась война Шведская, но въ слѣдъ за нею загорѣлась другая, болѣе важная.

Издrevле жили на берегахъ Бальтійскаго моря мелкія племена Финскія и Латышскія, погруженныя въ невѣжество и идолопоклонство. Въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ, священники Русскіе уже начинали распространять между ними ученіе вѣры Христовой; но успѣхи были медленны и неудовлетворительны. Духовенство Римско-Католическое испроси-

ло у Русскихъ князей позволеніе со-
дѣйствовать благому дѣлу, — обращенію
идолопоклонниковъ въ Христіанскую вѣ-
ру, — и Русскіе князья согласились, ра-
зумѣя святость Христіанской обязанно-
сти. Но народы западной церкви не всегда
понимали проповѣдь Христіанскую такъ
же какъ и народы Православные. Вмѣстѣ
съ проповѣдниками, въ началѣ XIII-го вѣ-
ка, явились и войны. Тò было страшное
время въ исторіи человѣчества, по ужа-
снымъ войнамъ, опустошавшимъ міръ, по
ужаснымъ преступленіямъ, совершае-
мымъ во имя Христова. Воинственное дво-
рянство запада (въ то время называемое
рыцарствомъ), не всегда уважало обя-
занности человѣка и Христіанина, но всег-
да вѣняло себѣ въ обязанность распро-
стрѣнять Христіанство по всей землѣ.
Орудіемъ было у него не проповѣдь сло-
ва и любви, данная Христомъ своимъ
Апостоламъ, но мечъ, оставленный дре-
внимъ Римомъ новому Риму. Рыцари

считали себя въ правѣ нападать на всѣ народы языческіе, Магометанскіе и даже Православные: рѣзать, если защищались, обращать въ рабство, если покорялись. Войною, грабежемъ, убійствомъ и насилиемъ думали они служить Богу милосердія и любви, и по ложному вѣрованію, полагали прикрыть всѣ свои грѣхи чернымъ грѣхомъ убійства и порабощенія своихъ братій. Епископъ Римскій (папа), глава западной церкви, одобрялъ, благословлялъ ихъ и общалъ имъ царство небесное. Эти вооруженные проповѣдники, называвшіе себя крестоносцами, извѣстные намъ подъ именемъ Крыжаковъ, завоевали сѣверъ Германіи и пришли завоевать берега Балтійскаго моря отъ Пруссіи до устьевъ Невы. Племена Финскія и Латышскія были слишкомъ слабы для сопротивленія, а Россія порабощена Монголами. Ужасы были страданія при-Балтійской области, невѣроятны корыстолюбіе и

злоба Крыжаковъ , но они были мужественны, привычны къ войнѣ и съ головы до ногъ закованны въ желѣзные латы— и успѣхъ увѣщчалъ ихъ незаконное дѣло. Финны и Латыши были или перерѣзаны , или обращены въ рабство , и Нѣмецкіе рыцари основали новое независимое государство. Правителями были Нѣмцы-завоеватели; народъ состоялъ изъ побѣжденныхъ Финновъ и Латышей, но Европа признавала эту землю землею Нѣмецкою. Въ послѣдствіи она покорена была Россіею и вошла въ составъ Русскаго государства. Еще немногіе знаютъ , что собственно Нѣмцевъ въ нашихъ Остѣ-Зейскихъ губерніяхъ весьма мало, не болѣе чѣмъ Русскихъ, и что все народонаселеніе состоитъ изъ народа, не знающаго Нѣмецкаго языка. Вскорѣ послѣ завоеванья прибережнаго края, рыцари, пользуясь несчастіями Россіи, напали на ея предѣлы. Много изъ старыхъ областей было ими покорено.

рено, много городовъ взято и переименовано въ Шьмецкія имена (напр. старый Русскій Юрьевъ названъ Дерптомъ). Не безъ труда отбились Псковъ и область Новгородская. Но мало по малу ослабъ въ рыцаряхъ духъ воинственный, и Русскіе стали оттѣснять ихъ и наказывать за прежнія обиды. Многіе князья Русскіе, особенно Александръ Невскій, князь мужественный и святой, прославились побѣдами надъ Ливонскими рыцарями. Наконецъ, дѣдъ царя Ивана Васильевича, побѣдитель Казани, смирилъ гордость рыцарства и наложилъ на него дань, въ 1503 году. Съ тѣхъ поръ уже не смѣло оно подымать руки противъ Россіи, но и не скрывало своей глубокой ненависти, не исполняло договоровъ и безразсудно оскорбляло государство, котораго величию завидовало. Последнимъ оскорбленіемъ было заключеніе въ темницу мирныхъ путешественниковъ, ученыхъ, призванныхъ изъ Германіи ца-

ремъ Иваномъ Васильевичемъ. Казнь послѣдовала за преступленьемъ, и началась война, которая положила конецъ и независимости ордена Ливонскихъ рыцарей, и самому его существованью.

Не все совѣтники царскіе соглашались въ пользу или въ необходимости Ливонской войны. Многіе полагали, что надобно воспользоваться удобнымъ временемъ и уничтожить Крымскихъ грабителей, такъ же какъ уничтожили Казань. Они говорили, что не слѣдуетъ безъ явной необходимости губить войною народы, исповѣдующіе Христіанство. Таково было мнѣніе Сильвестра и Адашева, конечно не въ томъ смыслѣ, будто бы уничтоженіе Христіанъ менѣе противно Богу, чѣмъ уничтоженіе Магометанъ и язычниковъ. Но Сильвестръ и Адашевъ знали, что война тогда только праведна, когда необходима, и думали, что на-

родъ Христіанскій и образованный могъ быть обузданъ договорами, между тѣмъ какъ народы Магометанскіе и кочевые должны были всегда оставаться врагами Россіи, и по вѣрѣ своей, и по свойству своихъ кочевыхъ и разбойническихъ обычаевъ. Царь Иванъ Васильевичъ не послушался своихъ совѣтниковъ, бояся, можетъ быть, нападеніемъ на Крымъ раздражить султана, или надѣяся пріобрѣсти большую славу и большую пользу завоеваньями на западъ, или чувствуя слишкомъ глубоко обиды, наносимыя безпрестанно Ливоніею Русской землѣ. Послѣдствія оправдали совѣтъ, данный Сильвестромъ и Адашевымъ. Крымскіе Татары черезъ нѣсколько лѣтъ опустошили Россію и сожгли Москву; а война Ливонская, начатая съ кротостію и славою, продолженная съ безразсудною жестокостію, кончилась величайшими бѣдствіями и стыдомъ.

За всеѣмъ тѣмъ не только Русскіе, но

и иностранцы признавали справедливымъ наказанье Ливонскаго ордена, не исполнявшаго мирныхъ условій и нарушавшаго самыя простыя и ясныя обязанности въ отношеніи къ Россіи. Иванъ Васильевичъ объявилъ войну: Ливонскіе рыцари, — утратившіе мужество своихъ предковъ и сохранившіе отъ нихъ только спесь, привычки къ буйной жизни и враждебное презрѣнье къ покоренному народу, — испугались и смирились. Они просили пощады, и получили её. Царь даровалъ имъ миръ на условіяхъ неотяготительныхъ: едва прощенные, они нарушили снова условіе мира. Русскіе полки вступили въ область Ливонскую, уже не для наказанья, а для завоеванья. Городъ за городомъ падалъ въ ихъ руки, побѣда за побѣдою вѣнчала ихъ подвиги. Орденъ снова просилъ мира, получилъ перемиріе и нагло нарушилъ святость договора, надѣясь на покровительство Польскаго короля. Но ни Польша, ни Шве-

ція, ни императоръ Германскій не могли своимъ заступничествомъ спасти виновныхъ Ливонцевъ. Въ послѣдній разъ орденъ рыцарскій вступилъ въ борьбу съ Россією; но борьба эта была уже невозможна. Большая часть Ливонской земли была покорена Русскими; нѣкоторые сѣверные округа захвачены Шведами и Датчанами, которые рады были воспользоваться паденіемъ ордена и побѣдами Россіи; вся остальная область, видя неминуемую гибель, отдалась во власть короля Польскаго и Литовскаго, и отказалась навсегда отъ своей свободы. Но совершенное паденіе Ливонскаго ордена произошло въ 1561-мъ году, а за годъ ранѣе, въ 1560-мъ, Россію постигло бѣдствіе, за которымъ послѣдовалъ длинный рядъ несказанныхъ страданій и униженій.

Сѣмена зла, посѣянные въ душѣ царя воспитаньемъ и злыми примѣрами, о-

кружавшими его дѣтство, принесли ужасные плоды. Едва вступивъ въ царскія права, онъ уже показалъ, каково должно было быть его царствованіе. Бракъ его съ прекрасною и кротою Анастасією, изъ рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, или Романовыхъ, не могъ его укротить. Россію спасло на время самопожертвованіе Сильвестра и выборъ Адашева въ ближніе царскіе совѣтники. Казалось, царь перемѣнился. Кротокъ и милостивъ, не злопамятенъ, не мстителенъ, правдолюбивъ, врагъ всякой неправды, правосуденъ къ боярамъ и отецъ для своего народа, таковъ былъ Иванъ Васильевичъ въ продолженіи XIII лѣтъ; и было на Россіи благословеніе Божіе, и глубокая, искренняя неслезанная любовь народа платила царю за его добрыя дѣла. Но душа царя не перемѣнилась: его видимая перемѣна была только невольнымъ обманомъ, слѣдствіемъ сильнаго потрясенія, когда, еще будучи молодой и пылкій, онъ былъ

пораженъ ужасомъ отъ бѣдствій Московскаго пожара, пораженъ страхомъ отъ словъ Сильвестра, говорящаго именемъ Божиимъ, и исполненъ удивленья при видѣ его святаго мужества. Царь Иванъ Васильевичъ не могъ любить: чувство любви человѣческой, любви Христіанской было ему незнакомо; его страсти были злы, но онъ могъ понять все великое, могъ плѣняться и плѣнился великимъ образомъ царя-благодѣтеля, который представился для него въ словахъ Сильвестра, въ совѣтахъ Адашева; онъ покался, но не за просто, не какъ Христіанинъ, не какъ грѣшникъ, убитый своею совѣстію и плачущій передъ Богомъ въ чувствѣ своего духовнаго униженія, нѣтъ — самое его покаянне, пышное и всенародное, было окружено блескомъ торжества. Такъ и въ продолженіи XIII лѣтъ благодѣтельствоваъ онъ Россіи не потому, что любилъ добре, но потому, что понималъ

славу и, такъ сказать, художественную красоту добра на престолѣ. Онъ былъ, по его же словамъ, *плѣнникомъ* не насилья, котораго даже и предполагать нельзя, не обмана, который былъ невозможенъ при его великомъ умѣ, но *плѣнникомъ* понятія о великомъ Христіанскомъ вѣнценосцѣ, которое ему представляли Сильвестръ и Адашевъ и отъ котораго долго онъ не могъ освободиться. А между тѣмъ кипѣли его злыя страсти, подавленные, но не искорененныя; кипѣла злость, которая стыдилась самой себя, а все просилась на волю;—а совѣтники не злые, но неразумные, не понимавшіе его души и завидовавшіе Сильвестру и Адашеву, наговаривали ему слова лести и недовѣрчивости къ этимъ двумъ хранителямъ народнаго счастья. Прошло XIII лѣтъ безпримѣрнаго благополучія, безпримѣрнаго величія для Русской земли, безпримѣрной борьбы и тяжелаго напряженія для Сильвестра и

Адашева. По прежнему Сильвестръ былъ простымъ священникомъ, не просящимъ ни почести, ни власти; по прежнему Алексѣй Θεодоровичъ Адашевъ, хотя возведенный въ званіе окольничаго, былъ бѣднымъ слугою Русскаго царства, отдающимъ все богатство, полученное отъ царя, нищему и страдающимъ братьямъ, омывающій своими руками раны десяти прокаженныхъ, которымъ домъ его служилъ пріютомъ: но борьба съ миромъ утомляла двухъ великихъ борцовъ, и, уступая зависти царедворцевъ, они думали, что привычка къ добру будетъ управлять царемъ не хуже ихъ благаго совѣта. Весною 1560 года, священникъ Сильвестръ просился на покой, и, благословивъ государя, заключился въ пустынномъ монастырѣ на сѣверѣ, а Адашевъ, служившій такъ долго царю мирнымъ совѣтникомъ, просился на службу ратную въ справедливой войнѣ противъ Ливонскихъ рыцарей. Но въ пус-

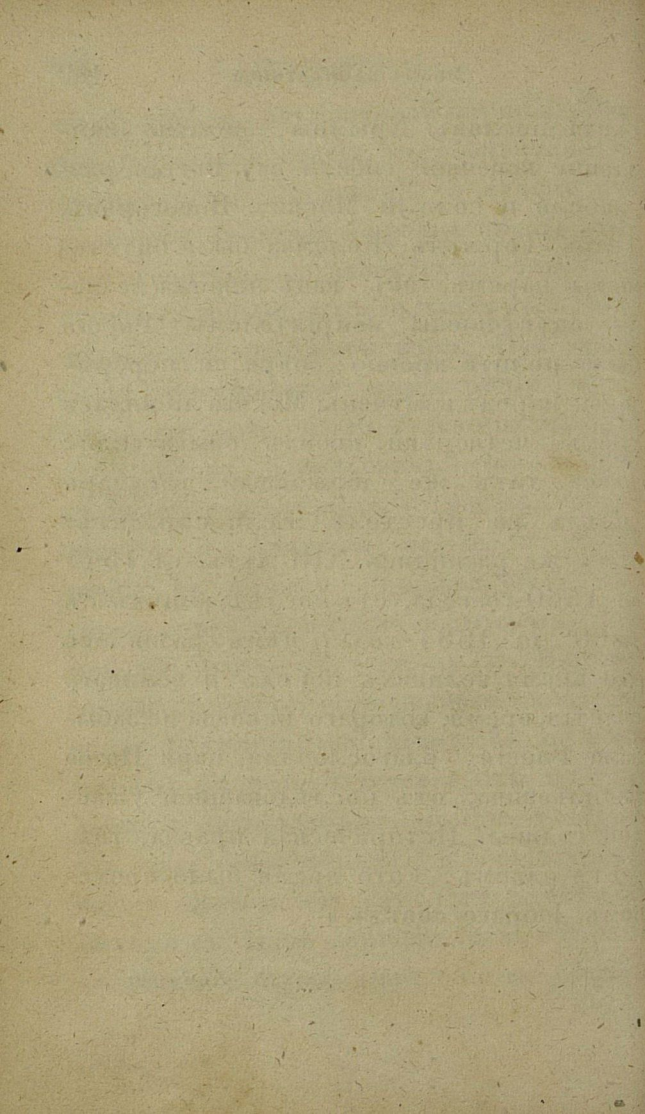
тынь Сильвестръ блисталъ славою своихъ Христіанскихъ и иноческихъ добродѣтелей, а Адашевъ пріобрѣлъ славу военную и содѣйствовалъ взятію грозной крѣпости Феллина.

Въ Іюнь мѣсяцъ 1560 года, снова вспыхнулъ пожаръ въ Москвѣ, и большая часть ея снова сдѣлалась жертвою пламени; много людей погибло въ этомъ бѣдствіи. Кроткая царица Анастасія, уже страдающая тяжкою болѣзнію, была вынесена изъ Кремля черезъ пылающія улицы Москвы, но ея здоровье не устояло противъ этого потрясенія, и 7 Августа кончила она свою Богоугодную жизнь. Такъ разорвана была послѣдняя цѣпь, связывавшая Ивана Васильевича; такъ разрушилась святыня семейнаго счастья, въ которомъ его бурная душа находила успокоеніе. Первымъ дѣломъ его было возвращеніе къ прежней буйной жизни; вторымъ—допущеніе безстыдной клеветы на Сильвестра и Ада-

шева, будто отравителей царицы. Они просили очной ставки съ обвинителями: митрополить Московскій и лучшіе царедворцы признали справедливость этого требованія, но завистники отвергли просьбу, говоря, что Сильвестръ и Адашевъ снова очаруютъ царя. Они знали силу Христіанскаго краснорѣчія, противъ котораго былъ беззащитенъ разумъ Ивана Васильевича, какъ ни возставали его дурныя страсти. Сильвестръ и Адашевъ не были допущены въ Москву: первый былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, второй заключенъ въ темницу въ Юрьевъ (нынче Дерптъ), еще недавно покоренномъ Русскими войсками: оба, по воле Божіей, умерли въ теченіи года и не видали страшныхъ бѣдствій Россіи. Ливонія была снова отнята у Русскихъ Литвою и ея великимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Царь долженъ былъ слушать униженно наглые ругательства Литов-

скихъ пословъ. Крымцы, недавно ожидавшіе конечной гибели отъ Россіи, разграбили и сожгли Москву; Новгородъ, Тверь, Торжокъ, Коломна были опустошены царемъ такъ, какъ никогда не были опустошены непріятелемъ. Россія была полита кровію; бояре ея перерѣзаны; народъ измученъ; Москва лишилась трехъ четвертей своихъ обывателей, а все тотъ же державный государь сидѣлъ на престолѣ. Если спросять: чѣмъ же разнились XIII лѣтъ, съ 1547 до 1560-го года, отъ послѣдующихъ, съ 1560 до 1584 года? чѣмъ разнилось это время великихъ побѣдъ и великаго счастія, время, котораго никогда не забывала Россія, благословляя царя Ивана Васильевича, отъ послѣдовавшей ужасной години? Историческая правда отвѣчаетъ однимъ: «это время было временемъ добраго совѣта.»

А. Хомяковъ.

НѢМЕЦКІЯ НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

І. ПРЕДАНІЯ О КАРЛѢ ВЕЛИКОМЪ.

Кромѣ записанной исторіи, у каждаго народа есть изустныя преданія о великихъ дѣлахъ и людяхъ стараго времени. Такія преданія занимають средину между исторіею и поэзіей. Содержаніемъ ихъ служитъ всегда дѣйствительная быль, но рассказъ, переходившій отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ,

часто носить на себѣ печать сказки. Простой народъ не знаетъ книжной исторіи. Прошедшія событія ему не кажутся чѣмъ-то неподвижнымъ, конечнымъ: онъ какъ будто играетъ ими, свободно измѣняя подробности разсказа. Исторія, какъ наука, старается рѣзко обозначить каждое явленіе, опредѣлить его время и мѣсто; преданіе не заботится о такой вѣрности. Въ немъ есть истина другаго рода. Въ немъ высказывается любовь и ненависть народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину. Чѣмъ сильнѣе событіе или человекъ коснулись народной жизни, тѣмъ глубже западаютъ ихъ образы въ память, тѣмъ болѣе хранится объ нихъ разсказовъ. У Германскаго племени много прекрасныхъ историческихъ преданій. Они частію собраны и записаны учеными людьми, между которыми первое мѣсто принадлежитъ двумъ братьямъ: Якову и Вильгельму

Гриммамъ (*). Ихъ благородныя имена должны быть извѣстны нашимъ молодымъ читателямъ.

Дѣла и заслуги Карла Великаго всѣмъ извѣстны. Онъ соединилъ въ одно большое государство почти всю западную Европу, обвелъ это государство твердыми границами и скрѣпилъ общими учрежденіями и законами. Языческіе Саксы, жившіе въ сѣверной Германіи, были обращены имъ къ Христіанству. Множество школъ возникло по его волѣ. Короче, онъ было обновителемъ духовной и гражданской жизни на западѣ. Многое изъ созданнаго имъ вскорѣ исчезло, еще болѣе сохранилось. О такихъ людяхъ не забываютъ народы. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ хранятъ они ихъ память. Вотъ нѣсколько преданій о Карлѣ Великомъ.

(*) Deutsche Sagen, herausgegeben von den Brüdern Grimm. Berlin. 1816.

1. Карлъ и Дезидерій Лонгобардскій.

Когда Карлъ Великій пошелъ войною на Лонгобарцевъ, при дворѣ ихъ короля Дезидерія жилъ Огеръ, благородный Франкъ, бѣжавшій изъ отечества, гонимый гнѣвомъ Карла. Услышавъ о приближеніи Франкскаго войска къ Павіи, Дезидерій и Огеръ взошли на вершину башни, съ которой можно было обозрѣть всю окрестность. Вдали показались обозы Франковъ. Они покрывали большое пространство. «Не здѣсь ли самъ Карлъ?» спросилъ король Дезидерій. «Его здѣсь нѣтъ» отвѣчалъ Огеръ. Потомъ явилось ополченіе, собранное со всѣхъ концовъ государства. «Карлъ вѣрно самъ идетъ съ этими воинами,» сказалъ опять Дезидерій. «Нѣтъ еще, нѣтъ еще» отвѣчалъ Огеръ. Тогда смутился Лонгобардскій король и молвилъ: «что же будетъ съ нами, если съ Карломъ ихъ придетъ еще болѣе?» «Когда и какъ онъ при-

детъ, сказалъ Огеръ, ты увидишь самъ; что съ нами будетъ — не знаю.» Между тѣмъ приблизилась новая толпа. На вопросъ Дезидерія Огеръ отвѣчалъ по прежнему: «его еще нѣтъ, подожди.» Потомъ они увидѣли съ башни своей длинные ряды епископовъ, аббатовъ, священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ, шедшихъ вмѣстѣ съ войскомъ. Дезидерій не взвидѣлъ свѣта и зарыдалъ. «Сойдемъ скорѣе внизъ, — говорилъ онъ, — и скроемся гдѣ-нибудь подъ землею предъ лицомъ страшнаго врага.» Тогда вспомнилъ Огеръ о прошедшихъ, лучшихъ годахъ своей жизни и о великой силѣ короля Карла. Онъ сказалъ Дезидерію: «когда поля твои покроются железными колосьями, когда рѣки потекутъ на городъ железными волнами, тогда жди Карла. Онъ явится передъ тобою.» Онъ еще не успѣлъ кончить, какъ съ запада и съ сѣвера поднялись мрачныя тучи и затмили ясный день.

Немного спустя наступила настоящая тьма. Тогда явился самъ Карлъ. Онъ былъ въ желѣзѣ. На головѣ у него былъ желѣзный шлемъ, на рукахъ желѣзныя рукавицы, на широкой груди желѣзныя латы. Лѣвой рукою онъ держалъ желѣзное копье. Въ правой рукѣ былъ мечъ; щитъ былъ желѣзный; даже конь его, по крѣпости и цвѣту, казался желѣзнымъ. Воины, шедшіе съ Карломъ и позади его, и остальная дружина были почти такъ же вооружены. Стѣны Павіи задрожали. Огеръ взглянулъ на страшную рать. «Вотъ тотъ, о которомъ ты спрашивалъ меня,» сказалъ онъ королю Лонгобардовъ, и безъ памяти повалился на землю.

2. Карлъ Великій и змѣя.

Въ бытность свою въ Цюрихѣ, императоръ Карлъ приказалъ поставить столпъ и привязать къ нему колоколъ. Отъ колокола къ землѣ была спущена

веревка. Когда императоръ сидѣлъ за обѣдомъ, каждый могъ подойти къ столпу, звонить и требовать себѣ суда и расправы. Одинъ разъ случилось, что колоколъ зазвонилъ, но вышедшіе служители не замѣтили никого у веревки. Звонъ раздался снова. Карлъ приказалъ служителямъ выйти опять и узнать о причинѣ звона. Тогда только увидѣли они большую змѣю, которая дергала зубами веревку и такимъ образомъ приводила въ движеніе колоколъ. Испуганные слуги возвратились назадъ и донесли о видѣнномъ своему государю. Ни челоуѣку, ни животному не хотѣлъ Карлъ отказать въ судѣ и правдѣ. Онъ самъ пошелъ къ странной просительницѣ. Змѣя, завидѣвъ его, почтительно преклонила голову и поползла предъ нимъ къ берегу озера, гдѣ указала ему на гнѣздо свое. Въ немъ сидѣла огромная жаба. Карлъ разсудилъ ихъ: змѣи возвратилъ гнѣздо, а жабу приказалъ сжечь.

Черезъ нѣсколько дней змѣя снова пришла ко двору, вползла на столъ, за которымъ сидѣли императоръ и его гости, и подняла крышку съ одного изъ кубковъ. Она опустила въ кубокъ драгоценный камень, который держала во рту, преклонилась передъ Карломъ и отправилась назадъ. Впослѣдствіи, тамъ гдѣ онъ нашелъ гнѣздо змѣи, Карлъ Великій выстроилъ церковь, а камень подарилъ супругъ своей.

3. Возвратъ короля Карла изъ Венгріи.

Король Карлъ отправился въ походъ для обращенія язычниковъ, жившихъ въ нынѣшней Венгріи, къ Христіанству. Предъ разлукою онъ общалъ супругъ своей возвратиться черезъ десять лѣтъ. По прошествіи этаго срока, она должна была считать его мертвымъ и молиться за его душу. Девять лѣтъ прошло такимъ образомъ безъ него; въ государ-

ствѣ не было ни порядка, ни мира. Вездѣ пожары, да разбои. Тогда вельможи собрались у королевны и стали ее просить, чтобъ она выбрала себѣ другаго мужа, способнаго охранять государство. Королева долго отказывалась, но наконецъ принуждена была уступить общимъ требованіямъ и жалобамъ на бѣдствія государства. Нашелся женихъ, богатый и сильный король. До сватъбы оставалось только три дня.

Богъ не допустилъ этому исполниться. Ангелъ увѣдомилъ Карла о томъ, что ему угрожало. «Но какъ же мнѣ поспѣть къ сроку,» сказалъ король; —осталось только три дня, а путь великъ.» «Не заботься объ этомъ, —отвѣчалъ ему Ангелъ, —Богъ милосердъ и всемогущъ. Поди и купи у твоего писаря его крѣпкаго коня. Черезъ болота и поля донесетъ онъ тебя въ одинъ день къ городу на Раабѣ. Тамъ ты переночуешь и накормишь лошадь. На другой день, рано

утромъ отправляйся вверхъ по Дунаю къ Пассау. Тамъ ты еще разъ ночуешь. Въ Пассау оставь своего коня. У хозяина дома, гдѣ ты остановишься, есть жеребенокъ: купи его. Онъ принесетъ тебя на третій день въ родной край твой.»

Карль поступилъ, какъ ему приказано, купилъ у своего писаря его коня и въ одинъ день поспѣлъ къ Раабу. На другой день, солнце еще не заходило, и онъ уже прибылъ въ Пассау, гдѣ нашелъ хорошій ночлегъ. Вечеромъ, когда скотъ возвращался съ поля, Карль замѣтилъ прекраснаго жеребенка, схватилъ его за гриву и сказалъ: «хозяинъ, уступи его мнѣ; завтра я на немъ уѣду.» «Нѣтъ,—молвилъ хозяинъ,—жеребенокъ еще молодъ и ты сѣдокъ ему не по силамъ. Онъ не снесетъ тебя.» Король сталъ снова просить. Тогда хозяинъ, видя его желаніе, согласился, а Карль въ свою очередь

продалъ ему коня, на которомъ совершилъ уже такой длинный путь.

На третій день, рано король пустился въ дорогу. Онъ мчался, не останавливаясь, до самыхъ воротъ столицы своей — Ахена. Тутъ онъ сталъ на ночлегъ. Въ городъ было большое веселье: пѣсни и пляски. Карлъ спросилъ: «это что такое?» хозяинъ дома сказалъ ему: «сегодня празднуется большая сватьба; королева наша выходитъ замужъ за богатаго короля. Пиръ идетъ великій. Молодыхъ и старыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ угощаютъ виномъ и кушаньемъ. Для коней также много приготовлено корму.» — Король Карлъ сказалъ: «я останусь у тебя. Свадебнаго угощенія мнѣ не нужно. Вотъ тебѣ золото, поди и купи мнѣ ѣсть, чтобы всего было довольно.» Хозяинъ, смотря на золотыя деньги, удивился и про себя подумалъ: и вотъ настоящий, благородный рыцарь. Я такихъ еще не видывалъ. » Кушанье было при-

готовлено богатое. Когда Карль поужиналъ, онъ позвалъ къ себѣ на ночь хозяйскаго сторожа и легъ спать. Передъ сномъ онъ просилъ сторожа разбудить его, какъ только начнутъ благовѣстить въ соборъ. Въ награду за эту службу онъ обѣщалъ ему золотой перстень. При первомъ ударѣ колокола, сторожъ подошелъ къ спящему королю и сталъ его будить: « Вставайте, господинъ. Въ соборъ звонятъ. Дайте мнѣ заслуженный перстень. » Карль поспѣшно поднялся, надѣлъ дорожную одежду и попросилъ хозяина проводить его. Рука объ руку, пошли они къ королевскому замку, но ворота были заперты большими запорами. — « Вамъ придется лезть подъ ворота, если вы непременно хотите войти, — сказалъ хозяинъ, — только тогда вы замараете платье. » — « Я объ этомъ не забочусь, » отвѣчалъ король и пролезъ вмѣстѣ съ путникомъ своимъ въ замокъ. Потомъ Карль вошелъ въ

соборъ, сѣлъ на стоявшій тамъ престолъ и положилъ себѣ на колѣни обнаженный мечъ. А по древнему Франкскому обычаю, всякій, кто сидѣлъ на престолѣ, что стоялъ въ соборѣ, становился королемъ. Вскорѣ пришелъ одинъ изъ церковниковъ. Увидѣвъ спящаго Карла съ обнаженнымъ мечемъ, онъ испугался и поспѣшилъ увѣдомить священника: «сѣдой, незнакомый чловѣкъ сидитъ на престолѣ и держитъ голый мечъ на коленяхъ.» Священникъ и другіе каноники не хотѣли вѣрить ему: одинъ изъ нихъ взялъ свѣтильникъ и смѣло пошелъ въ церковь. Когда передъ его глазами явился Карлъ, онъ бросилъ въ ужасѣ свѣтильникъ свой на полъ и бѣжалъ къ самому епископу. Епископъ приказалъ двумъ изъ прислужниковъ своихъ взять свѣчи и отправился съ ними къ собору. Подойдя къ Карлу, онъ робко спросилъ у него: «скажи намъ, кто ты такой, здѣшній или загробный жи-

лецъ, и что побудило тебя сѣсть на этотъ престолъ?» Тогда поднялся съдой незнакомецъ и молвилъ: «ты зналъ меня, когда меня звали королемъ Карломъ и не было государя сильнѣе меня.» Онъ приблизился къ епископу, чтобы тотъ могъ его рассмотреть. Епископъ тотчасъ его узналъ, радостно поздравилъ и обнялъ. Потомъ онъ повелъ его въ богатый домъ свой. Начался большой звонъ и свадебные гости стали спрашивать о причинѣ этаго звона. Когда имъ сказали, что возвратился король Карлъ, они проворно разошлись и каждый спѣшилъ убраться домой. Но епископъ просилъ Карла перемѣнить гнѣвъ на милость и любить по прежнему королеву, которая противъ воли согрѣшила передъ нимъ. Король послушалъ его просьбы, простилъ вельможамъ и съ королевою сталъ жить по прежнему въ любви и согласіи. —

Много другихъ разсказовъ сохранила признательная память западныхъ народовъ объ императорѣ и королѣ Карлѣ. Изъ приведенныхъ выше видно, въ какомъ образѣ являлся онъ народному воображенію.

Т. Грановскій.

me

